

• СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ •

ГЕОРГИЙ

ПЕРСИКОВ

ДБДО

Медведем носке

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Старый добрый детектив

Георгий Персиков

Дело о Медвежьем посохе

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Персиков Г.

Дело о Медвежьем посохе / Г. Персиков — «АСТ»,
2016 — (Старый добрый детектив)

ISBN 978-5-17-095683-8

По завершении Русско-японской войны отношения между двумя странами продолжают оставаться напряженными. Япония готовит кампанию против России, и, чтобы не допустить новых захватов на Дальнем Востоке, российские спецслужбы проводят сверхсекретную операцию. Однако исчезновение японского наследника путает все карты и ставит результат операции под угрозу. Следы мальчика теряются на Сахалине – островке-каторге, населенном ворами, убийцами и предателями. Такую концентрацию преступности и порока в одном месте вряд ли еще можно где-то увидеть во всей России. Похитить ребенка здесь мог почти каждый. Но с какой целью?.. Разобраться в этом запутанном деле государственного масштаба предстоит прирожденному сыщику и авантюристу Георгию Родину.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095683-8

© Персиков Г., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Георгий Персиков

Дело о Медвежьем посохе

Моей маме, бабушке и бабушке и их (а теперь и моему) Сахалину

© Г. Персиков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

«Георгий Персиков – яркий и свежий русский писатель. Он написал исторический детектив, захватывающий, головокружительный, с дерзким сюжетом.

По этому зеркалу можно гадать о нашем загадочном будущем и не менее таинственном прошлом.

Адские блики, чья-то дикая гримаса, чернота, и вдруг в тихом мерцании всплывает вечный Китеж-град...»

Сергей Шаргунов, писатель

«Ретродетектив Георгия Персикова – готовый сценарий для успешного приключенческого фильма».

Павел Седоков, обозреватель Forbes

Часть первая

Глава 1

Блестящие солдаты и мореходы, бесстрашные и азартные торговые люди – год за годом, верста за верстой отодвигали они границы России на восток. Девятнадцатый век ознаменовался тем, что исследователи добрались до естественных природных границ империи. Их встретило соленое море – ни конца ни краю. Однако неугомонный Иван Крузенштерн нашел таки остатную землю за буйными волнами, которая на целое столетие стала краем великой державы. Остров Сахалин диковинной рыбой на тысячу верст растянулся между Японским и Охотским морями. Лакомая была та земля. И китайцы на нее зуб имели, да получили укорот и от ворот поворот. И японцы зарились на Карафуто, как они именовали остров, но уступили его за Северо-Курильскую гряду. Прочно утвердилась здесь власть государя императора, но не нашли высшие государственные чины иного применения новому приобретению, кроме как учредить здесь каторгу. Пример Британской империи, имевшей для тюремных нужд целый австралийский континент, оказался заразительным. И потянулись через всю бескрайнюю страну пешие этапы – по два-три года отнимала дорога. Не все каторжане добирались до места отбывания наказания. Но те, кто прибывал на остров, устраивались здесь надолго. Ибо Сахалин был узилищем для каторжных первого разряда – осужденных на срок свыше двенадцати лет или же сосланных и вовсе бессрочно.

Главный город острова Александровский пост, который в Петербурге чаще именовали Александровск-Сахалинский, был главным же каторжным пунктом. Больше половины населения составляли служивые люди – армейские, пограничники, из тюремного ведомства, полицейские да жандармы. Как ни заманивали государевы министры вольных поселенцев, да мало желающих находилось ехать на край земли да в суровую тайгу. И хоть храм в Александровске был побольше иных в Чите или в Хабаровске, а дощатая мостовая длиною превосходила променады в Иркутске – все одно, неналаженный быт не прельщал даже самых неизбалованных. Ибо солнце над городом показывалось реже, нежели наступают великие праздники. Чаще об острые сопки царапали мохнатые брюшки низкие тучи. Дожди лили – как пьяница горькую себе в глотку. А зимней порой двух-, а то и трехсаженные сугробы укутывали дома и всю окрестность.

Тем не менее своя светская жизнь бурлила и в сем медвежьем углу. Год как преставилась знаменитая одесситка Сонька Золотая Ручка, посмотреть на которую в игорные и питейные дома захаживали самые высокие чины с супругами. Старожилы до сих пор с удовольствием вспоминали посиделки с живым классиком литературы Антоном Павловичем Чеховым. Ну а именитые генералы да адмиралы, почитай, каждый год прибывали в Александровск – с инспекцией или в экспедицию. Три Брата – скалы у входа в бухту – встречали и провожали великое множество кораблей.

Горный инженер Михаил Кононыхин мечтал поселиться на Николаевской улице. И чтобы его жилище вровень стояло с домами островных аристократов. Где-нибудь между высшими чинами каторжного управления да поближе к застекленной на французский манер террасе самого господина губернатора. Да только где уж там!

– Ох, Миша, романтика романтикой, но я-то верила, что буду воспитывать детей, а ты зарабатывать! – жаловалась супруга Анна, служившая учительницей. – Я не ропщу, просто денег опять нет...

Попивая горький китайский чаек в своей крошечной гостиной, Михаил Степанович постоянно предавался фантазиям – как он находит богатые залежи угля или могучую жилу руды, после чего жизнь его непременно меняется к лучшему. Однако бесплодны были эти

грезы, как просоленный песок береговой линии. Впрочем, некоторые перемены на днях наступили. Инженер настолько боялся сглазить свое счастье, что даже с Аннушкой не поделился новыми надеждами.

Он тщательно прихорашивался перед зеркалом, счищая пылинки со своего выходного костюма.

– По одежке встречают, Мишаня, не забывай! – бормотал он себе под нос.

Тихонько выскользнув из дома, инженер ужом юркнул в калитку и побежал вверх по улице. Бдительная жена проворонила исчезновение до сей поры покладистого и предсказуемого мужа.

Путь Кононыхина лежал в лучшую городскую гостиницу, гордо стоящую между зданием почты и офицерским клубом с роскошным буфетом и всегда переполненным танцзалом. В восьмом номере ему назначил встречу японский коммерсант Такаси Кумеда – как говорили знающие люди, рыба крупная, дважды удостоившийся приема у самого микадо. Кумеда-сан сам нашел Кононыхина через Управление горных работ – мол, наслышан о нем как о лучшем специалисте. Ласковая приветливость японца, смешно выговаривающего русские слова, и глубокое уважение, которое он демонстрировал на протяжении всего разговора, купили Михаила с потрохами. «Поди ж ты, хоть и азиат, а обхождение знает!» – тихо млел простодушный инженер.

Тогда, во время первой беседы, Кумеда без обиняков дал понять Кононыхину, что располагает поистине астрономическими суммами, которые готов вложить в перспективный проект разработки недр. Какой именно? А вот этот волнующий момент коммерсант и предложил обсудить своему русскому визави в приватной беседе. Вот и бежал Кононыхин со всех ног – лишь бы не опоздать к своему счастью!

Лестницу на второй этаж инженер преодолел длинными скачками. Не успев перевести дух, он постучал в высокую белую дверь номера высшей категории. Незамедлительно щелкнул замок, и створка распахнулась. Перед запыхавшимся гостем в низком поклоне склонилась хрупкая молодая женщина в одеянии из плотного шелка.

– Доборо пожаровать! – мелодичным голосом произнесла хозяйка.

Михаил неловко поклонился в ответ, а японка мелко засемила перед ним, выбивая кастаньетную дробь своими сандалиями на очень высокой деревянной подошве. Она постоянно оборачивалась, кивая и улыбаясь, предлагала следовать за собой. Кононыхин шел за ней, как по дну морскому, – ему словно приходилось преодолевать вдруг сгустившийся воздух. От смущения он побагровел, а на лбу и носу выступили крупные капли пота.

Кумеда-сан восседал у низкого столика в самом центре просторной гостиной. Он широко улыбнулся, поклонился и предложил гостю сесть рядом.

– Ах, дорогой мой Михаир Степанович, как я признатерен, что вы оказари мне честь посетить мой дом здесь! – японец говорил по-русски почти безупречно, лишь звук «л» ему никак не давался.

– Кумеда-сан, ваше приглашение – это честь для меня! – выдавил из себя в ответ дежурную вежливость все еще не освоившийся Кононыхин.

– Что вы, дря вас я просто – Такаси! – белозубо проворковал хозяин.

– А я, в свою очередь, просто Миша! – произнес встречную любезность Михаил, который, если честно, не особо жаловал фамильярность.

– О, нет-нет! – обезоруживающе вскинул руки вверх Такаси. – Я гость в вашей стране. Так что позвольте мне веричать вас по имени-отчеству. Это мой дорг благодарности вашей стране и вам рично, как ее сравному представитерю!

Кононыхину недавно миновало двадцать восемь годов, а Такаси явно разменял уже шестой десяток, и такое подбострастие не могло не льстить весьма заурядному начинающему инженеру. А японец тем временем продолжал тихой сапой наступательные действия.

– Традиции наших стран во многом совпадают. Перед серьезным разговором надо обязательно принять специарного снадобья, которое способствует более градкому течению беседы...

Пока Такаси разливался соловьем, у Михаила промелькнула досадная мысль, что японец владеет слогом куда ловчее его – природного русака. Но она тут же улетучилась, когда по мановению руки хозяина тремя изящными вихрями в комнату ворвались дамы. Уже знакомая Кононыхину несла на подносе небольшой кувшинчик и две округлые фарфоровые чашечки. Две другие, еще моложе и еще тоньше, были нагружены многочисленными мисочками и судочками. Трио с жонглерской сноровкой раскидало на столике все посудки и испарилось под бодрое цоканье каблуков.

– Это sake, наша японская водка, – сказал Такаси, разливая прозрачную жидкость.

Михаил взял свою чашечку в ладонь. Хмыкнул – на ощупь она была теплой. Поклонился хозяину и браво осушил ее залпом.

– Наша-то покрепче будет, – разочарованно протянул гость.

– Так и русские рюди покрепче, чем японцы! – откликнулся шуткой Такаси. – Но у нас весь вечер впереди, торопиться некуда – еще наверстаем недостающую крепость.

Следуя примеру хозяина, Кононыхин налегал на непривычные, порой даже несколько пугающие, но невероятно вкусные закуски. Палочками орудовать он не мог, однако Такаси предусмотрел на этот случай серебряные европейские приборы. И со все возрастающей частотой Михаил прикладывался к чашечке с sake, которую постоянно пополнял услужливый японец.

– А скажи, Такаси, вот та, что меня встретила, – это жена твоя, да?

– Верно, Михаир Степанович.

– А те двое, что ей помогали, – дочки, что ли? Или свояченицы?

– А-а-а, вы об этом! – Кумеда-сан хитро заулыбался, а его узкие глазки превратились в совершеннейшие щелочки. – Это мои сружанки. Они мне не жены, но...

– Да иди ж ты! – восхитился Кононыхин. – А жена чего?

– А жена знает свое место и никогда срова поперек мужу не скажет! – веско ответил японец.

– Здорово! – восхищенно протянул инженер и мечтательно закатил замасленившиеся глазки. – Надо бы за такое выпить!

Кумеда-сан понимающе кивнул и негромко произнес что-то по-японски. Стремительное трио вернулось с очередной порцией sake и горячим супом. Некоторое время собеседники молча хлюпали, поедая вкуснейшую жижу и обильно сдабривая ее спиртным. Наконец хозяин начал издали.

– Да, Михаир Степанович, прекрасен Сахарин. Эта земля многое в себе таит – неисчислимы богатства!

– А вы, поди, хотите их у нас оттяпать! – остроумно, как ему показалось, ввернул реплику Кононыхин и пьяненько рассмеялся. – Микадо строит флот, дредноуты да броненосцы. Того и гляди обрушится всей мощью на наши берега! Еще один большой остров Японии-то не мешает, а?

– Михаир Степанович, что вы, я ведь простой коммерсант, – обезоруживающе развел руками Такаси. – Со мной военные праны никто обсуждать не станет. Однако я не думаю, что наше правительство осмерится напасть на Россию. Кто же в здравом уме решится раздражить медведя?

– Не-е-ет! – помахал пальцем Кононыхин. – Нас дразнить не надо. Вмиг шею свернем!

– Конечно же. Именно потому мы с вами сегодня и сидим за стором, – гнул свою линию Кумеда-сан. – Сахарин богат, но у русского орла земли очень много – все освоить не успеешь.

Вот дря того я, инопременный деровой черовек, и прибыр сюда. Я хочу помочь России стать еще богаче. И вам тоже, Михаир Степанович!

Кононыхина бросило в жар. Он подозревал, что приглашение в гости сулит ему определенные выгоды, но прямое обещание... Просто дыхание перехватывало.

– Вы – брестящий горных дер мастер, Михаир Степанович, – лил ей японец. – Торько вы сможете найти то, что обещает стать кровью двадцатого века. Нефть – по всем признакам, ее доржно быть очень много на Сахарине.

– Я никогда не занимался поисками именно нефти... – начал лепетать несколько обескураженный Кононыхин.

– Вздор! – решительно отмахнулся Кумеда-сан, неожиданно обнаруживший в своем пуховом голосе стальные нотки. – Вы – именно тот черовек, который мне нужен. Ваши знания и трудорюбие, мои капиталы – через пару рет мы будем купаться в зороте, поверьте мне!

Кононыхин представил скандал, который ему закатит Анна, когда узнает, что муж надолго отправится бродить по тайге. Зажмурился и сглотнул. Когда он снова раскрыл глаза, перед ними маячила полная чаша, которую ему настойчиво совал хозяин.

– Надо выпить за наш грядущий успех. Такие предрожения бывают раз в жизни! – сыпал убедительными фразами Кумеда-сан. – Вам стоит торько руку протянуть к богатству!

– Ну-у... – Михаил мялся. Покидать насиженное место не хотелось, хотя от заманчивых посулов кругом шла и без того хмельная голова.

– А вам сружанки мои грянулись, так ведь? – неожиданно сменил тактику японец и заговорщицки подмигнул инженеру. – Вам стоит торько намекнуть, и все возможно...

– Да? Что, в самом деле? – Кононыхин опешил. – А как же Анна?

– Никто об этом не узнает! Это будет наша с вами маренькая тайна. – Кумеда-сан просто лучился доброжелательностью. – Доржны ведь быть у деровых партнеров, будущих миррионеров, свои неборьшие секреты!

– Я согласен! – воскликнул Михаил, словно в омут бросившись.

– Превосходно! – От восторга глаза японца округлились совершенно на европейский манер. – Все детари обсудим позже. А сейчас наше сограшение надобно хорошенечко отпраздновать...

* * *

На самой окраине Александровска в этот же самый момент другие двое мужчин тоже распивали спиртное. Из закусок у них были лишь юкола из кеты да весеннего сбора черемша, крепко просоленная в дубовой бочке, – все самое дешевое и доступное из богатого разнообразия островных даров природы. Лук, между прочим, стоил ощутимо дороже – не так много огородников освоилось со здешним коварным климатом. Три луковицы тоже лежали на столе, порезанные тонкими дольками, словно лимон. Пили мужчины казенную водку, и атмосфера за столом разительно отличалась от гостиничной – бурлящей азартом и почти уже осязаемыми надеждами. Горькая – она и пьется-то не от великой радости, так уж исстари на Руси повелось. Ибо были эти двое политическими ссыльными: один – представитель Российской социал-демократической рабочей партии, другой – начинающий социал-революционер, которого в партию покамест не приняли. Покуда их старшие товарищи попивали бархатное пивко в Вене, янтарное винцо в Женеве да искрящееся шампанское в Париже, публицист Вадим Казачков и его юный наперсник студент-недоучка Ромаша Мезольцев глушили сивуху среди промозглых туманов «там, куда Макар телят не гонял».

Эту поговорку частенько повторял Казачков, растерянно разводя руками и добавляя: «А нас, ишь ты, пригнали сюда – угораздило же, а!» Вообще он как-то сник на Сахалине. Былые партийные товарищи не узнали бы в растерявшемся и внешне несколько опустившемся чело-

веке «серебряное перо партии», как его называли оба лидера – Цедербаум и Ленин. Он считал себя преданным старой гвардией и ежедневно бесцельно слонялся по деревянной мостовой, лишь к вечеру возвращаясь в свою хибару на выселках. Скудные денежные переводы от родных практически целиком оседали в казенной винной лавке. Так проклятый царизм выдаивал досуха карманы пламенного борца. Общаться ему в Александровске было практически не с кем. Среди ссыльных преобладали социалисты-революционеры, которых Вадим держал за заклятых врагов. Каторжные вселяли в него ужас своими дикими повадками и постоянным ароматом невысказанной угрозы. С прислужниками кровавого режима ему было не по пути по совершенно понятным причинам. Ну, а инородцами он, откровенно говоря, брезговал.

В противоположность учителю, Ромаша на острове быстро освоился и завел массу интересных знакомств. Он не чурался общения ни с разномастными политическими, ни с уголовниками, переведенными в ранг исправляющихся, ни с большинством служащих. И, между прочим, на днях сам заимел возможность перейти в эту категорию – в одной из контор его пообещали взять на скромное жалованье со следующего месяца. А от инородцев он и вовсе пребывал в состоянии перманентного восторга. Ярый поклонник романов Фенимора Купера, Жюль Верна, Генри Райдера Хаггарда и Луи Буссенара (сейчас он как раз взхлеб зачитывался «Героями Малахова кургана»), он словно угодил в одну из историй. Суровые рыбаки и охотники-гиляки, которых он чаще именовал нивхами, как они сами себя называли, своей загадочной невозмутимостью превосходили краснокожих Нового Света, а умением обращаться с острой заткнули бы за пояс копыеносцев-зулусов. А удивительные айны с азиатскими лицами и бородами, как у рязанских крестьян, с их невероятным медвежьим культом?..

Англичане, американцы и французы прогуливались по дощатым улицам Александровска в куда большем количестве, нежели по проспектам Петербурга. Корейцы вызывали уважение своим трудолюбием и умением выращивать урожай даже в столь суровых условиях. А их кухня, вызывавшая поначалу потоки слез дичайшей остротой, вскоре полюбилась Ромаше пуще маминых пирожков, которые он первое время вспоминал с горькой тоской.

Но наибольший интерес у него вызывали японцы. С месяц назад он даже записался на уроки к одному мастеру борьбы дзю-до, который наряду с борцовскими приемами обучал русских ребят своему языку и основам японской культуры. Хоть Ромаша был самым старшим из учеников, он нередко проигрывал поединки младшим ребятам. А чаще прочего одиннадцатилетнему Васятке Ощепкову, которого мастер не уставал хвалить и через пару лет обещал отправить в японскую школу Кодокан. Однако петербуржец не унывал – огромная и загадочная земля открывалась перед ним, и он просто не имел права не изучить все ее тайны.

Диаметрально противоположное восприятие действительности сказывалось на отношениях учителя и ученика. Юноша, год назад смотревший наставнику в рот, теперь порой дерзновенно высказывал собственное мнение. И частенько оно шло вразрез со взглядами на жизнь Казачкова. Безусловно, мнение бывшего публициста, знававшего еще мастодонтов из народовольцев, по-прежнему значило немало для Ромаша Мезольцева. Но все чаще он замечал, что отстает батенька от жизни – и чем дальше, тем больше. А Вадим, в свою очередь, просто физически ощущал, как тает его авторитет – словно скала из хрупкого песчаника под ударами тяжелых волн Татарского пролива. Хоть новости из Европы прибывали на Сахалин с существенным опозданием, страсти кипели столь же бурно, как и в столицах. Странник широкой внутрипартийной дискуссии, Казачков поддерживал своего давнего приятеля Юлиа Мартова, а горячий юношеским задором Мезольцев, разумеется, числил себя ярким поклонником идей революционного террора. Из-за внезапно возникших разногласий в дуэте соратников отгремело немало баталий и был сломан целый лес копий. Вадим однажды в пылу ссоры чуть даже не выставил молодого человека с вещами на улицу, однако одумался, вовремя осознав, что ждет его в таком случае полнейшее беспросветное и очень пугающее одиночество. Внутрипартийные дела с той поры они по негласному договору старались не обсуждать. Тем не менее

поводов для стычек хватало и без того. Вот и сейчас революционеры спорили о внешнеполитической ситуации вокруг империи, и градус полемики постепенно повышался – сообразно с количеством принятой внутрь горячительной жидкости.

– Не согласен я, товарищ Казачков, что японцы представляют угрозу для России! – почти кричал пылкий Мезольцев, размахивая стаканом с водкой.

– Ромаша, так ведь они твоего согласия спрашивать не станут, знаешь ли, – в ироничной манере, но тоже на повышенных тонах пытался урезонить оппонента Вадим. – Когда же ты поймешь, наконец, что японцы – империалисты, почище династии Романовых!

– Ну уж! – усомнился юноша, так широко махнув рукой, что чуть не выплеснул содержимое стакана. – Это Романовы начали экспансию в Китай и Корею, это они угрозами и шантажом расширяют территорию влияния. Чего уж говорить-то – Дальний, Харбин и Порт-Артур, чай, не японцы строят на чужой земле!

– Осади, Ромаша! Ты забываешь о первом правиле благородного диспута – всегда помнить об отправной точке и беречь напиток, стимулирующие ораторское искусство. Выпейка, да меня выслушай, – наставник назидательно оттопырил палец и ловко махнул полстакана казенки. В мягкую полоску гилекской ююлы он сноровисто завернул несколько стеблей черемши и присыпал их тонкими луковыми колечками. Водрузив этот рулет на ломтик черного хлеба, с аппетитом откусил хороший шматок. И, не прожевав толком, продолжил: – Не фы ли мне рашкажывал о фштреше с американшем Дшеком Коллинжом? Што он шообшил, а?

– Ну, что он инженер-сталелитейщик, что консультировал японцев за хорошую мзду. – Ромаша только что выпил, и глаза его еще немного слезились от крепости напитка. – И он шибко хвалил успехи японцев – мол, сталь у них первоклассная, и выплавляют ее они на удивление много.

– Вот! – Казачков аж подпрыгнул на табурете. – Думаешь, для мирных целей, ась? Флот они строят – невиданной мощи. И обрушат ее японцы на нас!

– Ну, а даже если так, то что? – студент пожал плечами. – Иностранная агрессия, тем более успешная, вызовет рост революционных настроений в широких народных массах. Значит, и дело нашей жизни ускорится!

– Нет, милый мой! Революция, не выстраданная в пламени классово-борьбы, а принесенная на штыках извне – это гражданская война! – с жаром произнес публицист.

– Нет, товарищ, мы оба с вами читали статью Льва Троцкого, ближайшего соратника Владимира Ильича. Помните, о чем там? Революция сотрет национальные границы! – воодушевленно произнес Мезольцев и даже привстал при этом. – Японский пролетарий – брат русскому пролетарию! Мы одна семья – кадзоку!

Вместо ответа Вадим откупорил бутылку и набулькал еще по полстакана. Соорудил обоим по порции закуски по уже отработанной схеме. Все это время Ромаша торжествующе позыркивал на него – одержать чистую победу в споре, или, выражаясь в терминах дзюу-до, получить иппон,¹ ему удавалось нечасто.

Казачков молча толкнул ученику стакан и молвил, не поднимая глаз:

– Ох, вы, эсеры недоделанные, как же любите обобщать да за других говорить! Поди сперва объясни японскому пролетарию, что ты его брат – желательно до того момента, как он тебе штыком кишки пропорет.

– Но... – неуверенно начал Мезольцев, но Вадим его перебил:

– погоди, не спеши. Вот ходишь ты к мастеру борьбы на уроки, а не рассказывал ли он вам о Пути самурая?

– Нет пока что...

¹ *Иппон* – высшая оценка.

– А ведь это любопытнейшая система мировоззрения. Я читал несколько лет назад в переводе на французский «Будосесинсю» – «Напутствие вступающему на Путь воина» и «Хагакурэ» – «Сокрытое в листе». Замечательные в своем роде книги, должен я тебе сказать. И если б ты тоже их прочел, то наверняка бы знал – нет у тебя шансов стать братом тому, кто держит в руке японский меч или винтовку.

– Это лишь книги, потерявшие актуальность! – попытался вывернуться Ромаша.

– Ты спроси на сей счет мнение своего наставника по борьбе, – мягко посоветовал Казачков. – Да и еще одно не поленись сделать. Я знаю, что ты с уголовными тоже порой общаешься...

– А что в том такого... – забурчал было студент, но был остановлен жестом.

– Ты поинтересуйся у них, готовы ли эти бывшие пролетарии да крестьяне брататься с японцами, – в этот момент Казачков поднял на младшего друга грустные глаза, в уголках которых можно было прочесть намек на удовлетворение. – И вот эти две стороны прекраснейшим образом дополняют мнение блестящего демагога Левы Троцкого.

Мезольцев не нашелся, что ответить, и смолчал. Однако его учитель упиваться победой не стал.

– А на самом деле, Ромаша, никто не знает, что нам будущее готовит. Мы же с тобой, отщепенцы в каторжном краю, ведаем это в последнюю очередь. Так давай же выпьем с тобой за революцию – какая бы она ни была, а это шаг в светлое будущее!

Студент с энтузиазмом поднял стакан и с силой стукнул им о стакан учителя...

* * *

Уроженца забайкальской тайги Ивана Антипова по прозвищу Колесо хорошо знала вся Сахалинская каторга. «Иваном» он был не только по имени, но и по положению в преступном мире – человеком уважаемым, чье слово имеет немалый вес. Увесистыми были и его огромные кулаки. Густые борода, волосы и брови придавали ему вид неистовый и пугающий. Но при том он был мужчиной очень видным, своей статной внешностью заставлявший неровно биться сердца и молодых девок, и зрелых мужних жен. Однако женского пола Иван сторонился. Хоть и был он матерым лиходеем – долгие годы разбойничал да грабил и в Сибири, и в Китае, и на Дальнем Востоке, – но на проклятый остров угодил за убийство собственной супруги. Вернулся однажды с налета на золотодобытчиков раньше означенного срока, да застукал жену вместе со ссыльным поручиком. Бывший офицерик утек – ловкий попался, что твой циркач. А вот Алену Степановну, любовь свою, Иван задавил собственными ручищами. Над ее телом пристав и застал убийцу.

Восемь лет Иван расплачивался за свое преступление в угольной шахте. Честным трудом заслужил послабление режима и перевод на заготовительные работы. Последние года полтора здоровяк Колесо не подпускал к себе других каторжан. Как только сняли с него колодки, стал он уходить в тайгу или же бродил по берегу моря, тоскливо вглядываясь в студёные воды Татарского пролива. Ни собратья по неволе, ни надзиратели не пытались нарушить одиночество нелюдима. «Душегуб он, отчаюга – чего с таким связываться!» – говорили друг другу и арестанты, и государевы люди. Только двоих привечал Колесо – киевского щипача Жало да нижегородского крадуна Ларина по прозвищу Заяц. Неловкий с виду увалень с длинными нервными пальцами, Жало был верным адъютантом атамана. А ладный жилистый умница Заяц, отличавшийся стремительностью мыслей и непредсказуемостью поступков, вроде как был сам по себе, но словно чуткий охотничий пес всегда приходил, когда в том была нужда у хозяина.

Вот и на сей раз Колесо с мрачною думой, подперев широкими ладонями косматую бороду, разглядывал катящиеся волны Лунского залива. Жало чуть в сторонке правил на кремневом бруске самодельный нож, сработанный им из обломка казачьей шашки. Шустряк Ларин

подошел к ним, весь пахнувший солью и свежестью. В плетеной корзинке между широкими полосами морской капусты он разместил свой улов. Жало брезгливо оглядел узорчатые раковины и через губу бросил:

– Негоже крещеному человеку исть столь богомерзкую пищу!

– Э-э-э, милай, так здесь, на краю земли, Господь поди и не разглядит, что там раб его себе в рот кладет, – скороговоркой ответил ему Ларин.

– Может, и нет ему дела до нас, каторжан, на гибель отправленных. Но все едино, вот подыхать стану, а гадов морских не съем!

– И глупо это. Ты вон посмотри на тех, кто на земле этой не чужак, а свояк, – с горячностью возразил ему добытчик. – На гиляков глянь, да на япошек тех же. Глаз узкий, да зрит-то позорче нашего.

– Тьфу на них, басурман. Темные оне, что возьмешь с дикарей.

– Не угодишь на тебя! – по-бабьи всплеснул руками Заяц. – Ну, а ежели так? Работал мой свояк приказчиком у француза одного знатного. Тот в Баку три скважины своих пробурил, да еще в концессии железнодорожной интерес имел. Выставили мы с дружками его дачку под Питербурхом. Знатный тогда хабар подняли – еле на двух подводах уместили. Но речь не об том я веду. Этому мусью своячок мой закупал и лапки лягушьи, и печеночку гусиную, и вустриц с гребешком морским аж из самой Франции заказывал. Понял, да? Не нам ровня человек-то и тоже христьянин, однако ж носа от еды этой не воротил!

– А все ж с кусом мяса доброго эти твои сопли морские не сравнятся – хоть ты тресни! – гнул свою линию упрямый Жало.

– На то я тебе скажу, что по одежке и протягивай ножки. Не на Москве, чай, чтобы по ресторациям привередничать – подайте мне антрекоту да филей де-воляй, – назидательно поднял палец нижегородец. – Я тут, промежду прочим, на вечную житуху оставаться не думаю. Уж за тебя не скажу.

– Сам знаешь мои думки на сей счет.

Увлеченные разговором, они не заметили, как к ним подошел Колесо. Нависнув над ними, он несколько мгновений смотрел на своих дружков тяжелым взглядом, а потом усмехнулся в густые усы и молвил:

– Ну, а раз так – силенки-то пригодятся. Банкуй, Заяц, поделим твой улов по-братски. А за едой и погутаим за мыслишки наши скорбные.

Заяц ловко раскрывал раковины корявым, но бритвенно острым ножиком. Элегантным взмахом отделял мантию от упругого, но нежного при этом мяса и протягивал по очереди сотрапезникам, не забывая и про себя. Содержимое массивных устричных раковин он слегка присыпал выпаренной морской солью, а потом шумно высасывал, причмокивая от удовольствия. И все это время без умолку тараторил:

– Под гребешка отведай-ка вот этой зеленой кашки. Усаби называется. Япошки ее всегда пользуют. Выменял вот давеча у одного на мешок орешка кедрового.

– А что это такое?

– Навроде хрена нашего. Но не хрен. Пробовал я корень ядреный растереть, ан не то.

– Япошки твои... – недоверчиво проворчал Жало, отталкивая не слишком на вид аппетитное угощение. – Вот сегодня они тебе касяй-масяй, а завтра голову снесут мечом. Войной оне нам грозят, самураи чертовы!

– А тебе с того какая беда? – вскинулся Заяц. – Али у государя императора Николаши вернее тебя подданного нету? Солдатам да казачью пускай рубят – моих возражений нету!

– Оба вы чушь порете, – пресек спор атаман. – В случае чего – все под нож пойдем. Узкоглазые миловать нас не станут. Но война меня не страшит и вас не должна. Без сроку мы сюда высланы, на милость царскую уповать не след. Так и не станем мы ее дожидаться. Продумал я путь наш из сих краев гиблых...

– Благодетель, говори же, не томи! – Заяц подался вперед и вперил в рассказчика горящий от нетерпения взгляд.

Колесо хлопнул его тяжелой ручищей по плечу – тот аж присел слегка. И весомо произнес:

– Торопиться мы не станем. Ибо быстро лишь кошки рождаются. Но и время тянуть тоже негоже. Вот уже скоро, как погода хорошая встанет, пойдем мы на север. Цель наша там – мыс Погиби.

– Ох, и названьице же! – поморщился Заяц. – Не сулит ничего хорошего...

– Не скули раньше времени, – сурово прервал его Колесо, зыркнув из-под кустистых бровей. – Только оттуда мы сможем до земли Большой добраться. Угоним у гиляков лодку, и дай Бог нам силы в руки да моря спокойного! А оттуда пойдем через тайгу. На западе, где за рекой Амуром Китай лежит, переправимся на ту сторону – нужно подоспеть туда к ледоставу. Я с тамошними хунхузами-контрабандистами знаю, как договориться. А там уже два пути у нас – или через Монголию на Иркутск, или на юг до Шанхая, а там на пароход и уже пыхтеть до Питера. Хорошо подготовиться нужно – провизии заготовить, оружия раздобыть, одежды теплой. Путь неблизкий и нелегкий.

– Я насушу ягоды лимонника, – Ларина уговаривать не пришлось. – Шибко они помогают идти долго да усталости не ведать.

А вот обычно сговорчивый Жало заковечивился:

– Если не утопнем, так медведь нас подерет – слыханное ли дело по такой глуши бродить! Мы с Заяцем парни-то городские...

– Я плоть от плоти этой глуши, – насмешливо ответил Колесо. – Не хорони себя раньше времени. Ежели по уму все сделаем, пройдем мы море и тайгу.

– Ну, а в Китае – с чего бы этим хунхузам нам пособлять? Порешат, да и дело с концом! – не успокаивался Жало. – А денег мы где раздобудем, чтоб до Иркутска или Шанхая добраться?

– Вот как ты на Сахалин всю дорогу скулил, так и сейчас продолжаешь! – недобро уставился на него Колесо. – С хунхузами мы не один пуд соли съели и на лихие дела ходили. А братские людишки – буряты, – ежели чего, предательства им не простят, из-под земли достанут. Долг у них передо мной кровный, а от того Колесо им брат названный. Об деньгах же и вовсе не тревожься. Золото у меня припрятано по ту сторону границы. А в Харбине так и вообще в банке солидный счет имеется.

– Душой кривить не стану, – нехотя признался Жало. – Плавать я не умею, оттого и боязно. Да и холода приближаются, на одних ягодках долго не протянешь!

– Дурак! – хихикнул Заяц. – Кто ж на одних ягодках бегаешь?

Колесо раскатисто хохотнул и ощерился пугающей улыбкой.

– Вон видал, по берегу ходит Дядя Сарай,² от сохи³ на время? – Он ткнул пальцем на шупленькую фигурку в арестантском бушлате, бредущую вдалеке. – Кто таков?

Заяц прищурился и ответил:

– А, это Морошко. На бану угол подрезал,⁴ да сразу же и попался.

– Вот и нам он попадется. Не пропадем с голоду.

Зачем Колесо пытался бежать в начале жуткой сахалинской зимы, его подельники не спрашивали. Закон товарищества не позволял задавать такие вопросы или ослушаться могучего вожака. Может, он и впрямь хотел добраться до Большой земли, а может, вернуться через неделю и сказаться бродягой, родства не помнящим, чтобы уменьшить себе срок, а может, и что-то другое тянуло его из тюремных стен...

² Разиня (жарг. угол.).

³ Соха – нож (жарг. угол.).

⁴ На вокзале чемодан украл (жарг. угол.).

* * *

Этой партии, отправившейся на остров Карафуто, официально не существовало. Чиновник императорской канцелярии, начальник русского отдела военной разведки, командующий особым горнострелковым корпусом и моложавый адмирал, явно бывший в этой компании за главного, – эта четверка инструктировала Отоми Мурасэ перед отправлением из Ниигаты.

– Вы – предприниматель, браконьер, бандит, кто угодно, но не тот, кем являетесь на самом деле. Государство за вами не стоит! – Канцелярист с лицом встревоженной крысы повторял это раз за разом.

Отоми равнодушно кивал. Он с детских лет умел держать язык за зубами – в переулках Осаки без такого навыка выжить было нереально.

– Очень важно провести подробную рекогносцировку всей центральной и северной части Карафуто, или как его называют русские – Сахалина. У нас до сих пор нет этих данных, а время поджимает! – наседали седой пехотный генерал.

– С тобой будут два моих человека. В случае окружения русскими сначала зарежешь их, а потом сделаешь сэпку! – вкрадчиво говорил разведчик, буравя Отоми жесткими глазами.

Якудза Мурасэ, и без того приговоренный к смертной казни, лишь вяло улыбался и повторял «хай». Кто бы мог подумать, что расправа с провинциальным взяточником-мытарем вызовет такой резонанс в Токио! Като Икемото, глава клана, с сокрушением повторял: «Отдавая тебя, Отоми, я отрезаю себе правую руку! Но мы должны пожертвовать кем-то из наших, или же нас всех до единого перебьют!» Семья Икемото давно заменила Отоми свою собственную, и дело было даже не в чести якудза, кто-то должен был пролить свою кровь за клан, и ни у кого не было более веской причины, чем у него.

Адмирал попытожил:

– Мурасэ, вы человек опытный. Понимаете, что русские нам врагами стали не так давно. Есть на Карафуто народ, который воюет с сынами Ямато уже много веков. Они думают, что нашли себе сильного покровителя, – надо лишить их этой иллюзии. А заодно преподать урок тем айну, которые только ждут случая, чтобы поднять на Хоккайдо бунт. Действуйте по обстановке, но всегда оставайтесь беспощадным. И по возвращении вы из обычного грязного бандита станете офицером и дворянином – так заслужите же эту честь!

Глаза адмирала блеснули желтым тигриным пламенем, и Отоми понял – не в разведке кроется потаенная, основная цель миссии, совсем не в разведке.

Шхуна, на которой отряд Мурасэ отправился в путь, долго поднималась вдоль принадлежащей японцам Курильской гряды. Достигнув Онекотана в Северной группе островов, корабль взял курс на запад и пошел через беспокойное Охотское море. Стихия была немилосердна к диверсантам. Шторма один за другим терзали утлую парусную посудину, а одного из людей начальника разведки смыло за борт, когда он маялся от приступа морской болезни. В итоге многострадальная шхуна причалила к мысу Терпения. Отоми орал, плевался, порывался перестрелять и изрубить в морскую капусту всю команду – более неудобного и уязвимого места для высадки придумать было сложно. Однако капитан оставался непреклонен – у него нет возможности возвращаться в открытое море, чтобы потом пристать севернее. Шхуна того и гляди пойдет ко дну, а лихие тайфуны могут унести их, как щепку, и вовсе к Колыме. А каботажное плавание вдоль берега таило в себе реальную опасность напороться на русский пограничный сторожевик. Кроме того, до морского волка дошли некоторые сведения об истинном статусе сурового господина Мурасэ. Возможно, в Осаке моряк и не стал бы переходить дорогу якудза, но на берегу враждебного острова сила была не на стороне бандита. Пришлось Отоми усмирить свой гнев и отправиться в долгий изнурительный путь с оконечности протяженной косы в самое сердце Сахалина.

Встреча с людьми произошла лишь однажды. Двое русских солдат, офицер-геодезист и их гиллак-проводник так и не успели сообразить, что же за смертоносный вихрь стали обрушился на них, хотя проклятый нивха успел что-то почуять и даже взял на изготовку древний кремниевый карабин. А вот встреча с медведями завершилась печальными для отряда последствиями. Щуплый Сиоку с Окинавы восторгался первозданной дикостью тайги – экзотической для уроженца тропиков. Восхищения закончились, когда он напоролся на двух медвежат, а следом – на разъяренную мамашу. Сержант Асахара был поумнее своего новобранца, но и он зачем-то решил добыть свежего лосося на перекуте. Несмотря на то, что вокруг было полно гигантских медвежьих следов и куч свежего дерьма хозяев тайги. Диверсанты смогли отогнать залпами косолапых лишь после того, как те оскальпировали несчастного «рыболова». Взбешенный постоянными нелепыми потерями, Отоми под страхом смерти запретил участникам партии удаляться хотя бы на пятьдесят шагов. Тем более что они наконец-то достигли места проведения своей основной миссии.

В императорском Генеральном штабе сидели не глупые люди. Они давно квалифицировали айнов как охотничью цивилизацию. Основу рациона их питания, как и у всех коренных народов северного побережья Тихого океана, составляли лососевые породы рыб, идущие на нерест в многочисленные речушки. И если уж заниматься геноцидом заклятых врагов на чужой территории, то лучшего способа, чем перегораживание рек, не придумаешь, даже если век будешь ломать голову. Если однажды у лосося не получится подняться по течению, он никогда не вернется в эту речку. А стало быть, и голод в деревнях, и снимающиеся с насиженных мест медведи... Беспорядок в русских тылах гарантирован. Разумеется, Отоми не разъяснял все эти мудреные выкладки штабистов своим людям. Рычанием, размахиванием револьвером и вакидзаси⁵ он загонял продрогших людей в студеную воду. Рек среди сопотекло немало, и работы было непочатый край. Хотя надо отдать ему должное – горячее питание и чашечка обжигающего саке исправно ждали труженников на берегу.

Отоми поторапливал людей. Им нужно было выйти в район Александровска до первого снега. Там их встретили бы верные имперской разведке коммерсанты и переправили домой. Но не только предвкушение заслуженной награды гнало Отоми, матерый якудза позвоночником чуял, что в последние дни за ними пристально наблюдают. Косица на затылке явственно шевелилась под чужими недобрыми взглядами. Он неоднократно посылал людей прочесывать лес, но никаких следов те не обнаруживали и, очевидно, считали господина Мурасэ сбрендившим параноиком. Тем не менее гнетущее чувство не отступало, а с каждым часом лишь усиливалось. Вскоре он уже был готов наплевать на все приказы и тайные распоряжения высокого начальства. Шкура-то один раз дается, и никакие подачки с плеча дайме не помогут, если ее с тебя спустят умелые руки. Из мрачной задумчивости его вырвал вестовой по прозвищу Унаги – Угорь.

– Господин Мурасэ, люди встревожены. В лесу раздается медвежий рев!

– Вот уж удивительная история! – Отоми саркастически скривился. – Здесь постоянно режут медведи. Так и говори, что люди замерзли и не хотят больше работать.

Он поднялся на ноги, взял американский винчестер и вразвалочку пошел вниз по склону к реке. Люди и впрямь бузили, от страха позабыв о хваленной армейской дисциплине. Отоми тяжело вздохнул и выстрелил в небо. Раскатистый выстрел прервал споры, чем и воспользовался командир.

– Какие еще медведи, вы, дармоеды?

– Сэмпай,⁶ просим прощения, но проклятые звери как будто с ума посходили! Ревут так, словно собираются напасть!

⁵ Короткий традиционный японский меч.

⁶ Японский термин, обычно обозначающий того человека, у которого больше опыта в той или иной области.

– Вы их видите, жалкие трусы, а? Слышите теперь?

Когда утихло эхо выстрела, в округе воцарилась мертвая тишина.

– Аники,⁷ быть может, нам стоит все же покинуть это место? – тихо, но твердо спросил последний оставшийся в живых разведчик.

– Во-первых, я тебе не аники. Мои братья остались в Осаке, и ты знаешь об этом, – так же тихо, выдавливая из себя каждое слово, как полупудовый кистень, ответил Отоми. – Во-вторых, мы должны завершить начатое. Иначе мы сдохнем не здесь, а чуточку позже – в священной империи Ниппон. – После чего он прибавил голоса, обращаясь ко всем: – Чего вы боитесь, непобедимые солдаты императора? Русских здесь нет. Дикарей мы тоже не встречали. А если они нам даже попадутся – мы с ними расправимся, как уже сделали однажды! Медведи? Чушь! Мы вооружены огнестрельным оружием. Просто не надо делать глупостей и бродить по тайге, как по портовому борделю. Возвращайтесь к работе! Теплее в воде не станет, на носу холода – мы должны успеть...

Вдохновляющую фразу Отоми закончить не успел. На миг вокруг вдруг потемнело, и на его людей со свистом обрушилась туча стрел. Пронзенные солдаты падали в реку, и студеные воды моментально окрашивались красным. Стоявший рядом разведчик в ужасе взвыл и вдруг как-то очень противно захрипел – из-за ближайшего куста вынырнуло длинное копье и пронзило его насквозь. Бывалый якудза растерялся. Дюжина опытных людей была перебита в мгновение ока. А противник только показался на глаза – из-за могучей сосны пружинисто вышел высокий бородатый воин с мечом темной стали в руках.

– Кто... кто... кто ты такой? – потрясенно забормотал Отоми.

– Я – Синукар Карадаруй, военный предводитель того народа, чьи земли вы оскверняли, – спокойно ответил мечник, неспешно сокращая дистанцию.

Якудза вспомнил, что у него на плече висит многозарядный винчестер, и вскинул винтовку. Но сверкнул в молниеносном взмахе меч... и ствол со звоном отлетел! Бандит взвизгнул от неожиданности и выхватил вакидзаси. Короткий меч отбил два выпада, а третий удар прошел насквозь нутро японца. Отоми упал на колени, руками придерживая рану.

– Я не виноват... Меня прислали сюда... Имперская разведка... – он пытался купить себе жизнь, выдавая секретные сведения, но краем сознания понимал, что эта цена не заинтересует айна.

– Ты исполнял чужую злую волю и хотел погубить нашу землю, нас самих, – размеренно ответил Синукар, словно читал молитву. – У меня нет к тебе ненависти, чужеземец. Но свои грехи ты сможешь смыть только кровью. Возможно, бог-отец Аиойна будет милостив к тебе и позволит переродиться кем-то достойным. Попрошайся с этим миром!

Отоми ничего не успел ответить. Вся жизнь промелькнула перед его глазами, а затем в воздухе просвистела смерть, и обжигающе острая волна рассекла пополам его шею...

* * *

Все эти люди, по своей или чужой воле оказавшиеся на Сахалине, не ведали, что в скором времени новый виток судьбы сведет их вместе. Некоторым их чаяниям сбыться будет не суждено, а то, о чем они даже и не помышляли мечтать, – фортуна преподнесет им на золотом блюде. Догорали последние теплые денечки, впереди маячили долгие шторма и невзгоды...

⁷ Старший брат.

Глава 2

1904 г.

Старокузнецк

Аптека, что досталась частному врачу Георгию Родину от отца, приносила приличный доход, однако следить за тем, чтобы микстуры смешивались в правильных пропорциях, а мази и растирки приобретали нужную консистенцию, было слишком обыденно и скучно для такого живого и свободолюбивого человека, как Георгий. Поэтому на предложение своего приятеля Андрея Юсупова, заведующего губернской больницей, каждый вторник навещать в больницу и осматривать самых сложных и спорных пациентов Родин ответил благодушным согласием. И с тех пор ни разу об этом не пожалел, ведь когда трудишься не ради жалования, а по велению души, да еще и не отвлекаясь на всякую бюрократию вроде заполнения историй болезни и муштры младшего медицинского персонала, все получается само собой, по вдохновению.

В очередной «больничный вторник» Родин, успевший заскучать без практики, торопился к пациентам. Хотя нет, никуда он не торопился – шел прогулочным шагом, через парк, больно уж погода к этому располагала. Осень 1904 года выдалась в Старокузнецке сказочная. Ни ветров, ни дождей, только чистый звенящий воздух и хрустальная синь безграничного неба. Деревья сменили легкомысленные зеленые наряды на торжественные ало-золотые, а иные клены так красочно пожелтели, что издали напоминали исполинские костры. Они сыпали своими листьями-искрами на прохожих, а их соседи каштаны исподтишка обстреливали гуляющих колючими пуляками-плодами. Старокузнецк наслаждался щедрыми осенними дарами. По утрам из леса выходили довольные грибники, сгибаясь под тяжестью набитых доверху корзинок. Крестьянские дети рысачили по дворам с перемазанными лесными ягодами рожками, пока их мамы варили в латунных тазиках ароматное варенье из черноплодной рябины.

Один из кленовых листьев спланировал Родину прямо под ноги. Георгий залюбовался огненным лоскутком с оранжевыми прожилками и вспомнил прекрасные ярко-рыжие волосы своей любимой. У него и без того было совершенно нерабочее настроение, а тут еще эта пронзительная осень! В такие дни хочется гулять, пока хорошенько не замерзнешь, а потом ввалиться в дом и выпить горячего чая, а то и глинтвейна. Ах, какой потрясающий глинтвейн готовит его нянюшка Клавдия Васильевна! С добавлением только ей известных секретных трав и лесных орехов, с медом и спиральками из яблочных кожурок. Согревает так, будто чистого солнечного света испил, и душа сразу расцветает...

Увы, но ненаглядная рыжеволосая красавица Ирина находилась сейчас далеко от тоскующего Георгия. С его старшим братом, Всеволодом Родиным, она отбыла в Петербург сдавать в Российское географическое общество артефакты, раздобытые в недавней экспедиции на Амазонку. После того как отгремят фанфары в честь путешественников, значительно обогативших коллекцию музея РГО, Ирина навестит родителей и расскажет им о том, что, кроме артефактов, в этой самой экспедиции она нашла себе жениха. Да-да, Родин снова собирался жениться, и на этот раз, похоже, всерьез. Кажется, обещание, данное давным-давно деду Григорию Евдокимовичу, удастся сдержать. А обещал он ни много ни мало не жениться, ежели не будет к тому знака.

– Какого же знака? – спросил много лет назад растерянный Енюша мудрого дедушку.

– Мимо не пройдешь, – рубанул Григорий Евдокимович, давая понять безумному мальчишке, что дальнейшие объяснения бессмысленны.

Но безусый мальчишка запомнил эти слова и, когда настал момент, мимо не прошел. Знак явился Родину в той самой экспедиции, которая изрядно потрепала души и тела ее участ-

ников. Ирина не стала исключением. Да что там греха таить, ей досталось больше всех. Но и награда для них с Родиным была уготована судьбой соответствующая – прощение и любовь. Если бы не приключения в дебрях гиблой Амазонки, где каждая букашка таит миллион опасностей, если бы не самоотверженность Ирины, так бы и жить Георгию с камнем на сердце – с мыслью, что в смерти мамы виноват только он...

Вздыхнув, Родин стряхнул с себя остатки грустных мыслей и деловито взбежал по больной лестнице навстречу новому рабочему дню. В коридоре он натолкнулся на взмыленного Юсупова. Главный врач старокузнецкой земской больницы схватил Георгия за рукав, выпучил глаза и сказал заговорщицким тоном:

– В кабинет загляни, там тебя сюрприз ждет.

– Приятный? – для проформы уточнил Георгий, догадываясь, что ничего приятного в кабинете его ожидать не может.

Впрочем, Юсупов все равно не ответил, махнул неопределенно рукой и скрылся в палате, стены которой сотрясались от громких мужских стонов, переходящих в надрывное рычание. «Надо будет потом посмотреть, что там за страдалец», – отметил про себя Родин, открывая дверь своего кабинета.

Тут-то настроение Георгия окончательно испортилось. В его любимом резном кресле, обтянутом мягчайшей коричневой кожей, закинув ноги в грязных штиблетах на девственно чистый стол, развалился противный Иван Рабинов – шелкопер из саратовской газеты, охотник за грязными слухами и мастер перевертывания фактов. Видно, он давно тут околачивался и от скуки решил поиграть в доктора – нацепил пенсне, стетоскоп и, наморщив свой веснушчатый лоб, прикладывал мембрану к впалой груди. Родин, завидев такую бесцеремонность, с остервенением хлопнул дверью и медленно подошел к столу. Щуплый газетчик подпрыгнул от неожиданности и сверзился со стула, уронив лежащие на столе бумаги.

– Ну-с, любезный. Внимательно вас слушаю.

– Ох, простите великодушно! – затарахтел Рабинов, неуклюже сгребая листы. – Замечтался. Знаете, в юности думал, стану врачом, буду лечить людей, изобретать новые лекарства, прославлюсь... А потом раз увидел, как соседа поездом разрубило, аккуратно пополам так, по линии пупа, и верхняя его половина ползла, руками так землю загребала и ругалась, а за ней кишки косичками, гладкие, смердящие... Я тогда подумал, что под дулом пистолета к этой кровавой каше не притронусь и ни за что на свете не сумею сложить все обратно, как было. В общем, бросился домой, схватил карандаш и ну строчить. Это я потом уже понял, что получился репортаж с места событий...

– Положим, Иван Абрамыч, чтобы изобретать новые лекарства, не обязательно учиться проводить сложные хирургические операции, но вы ведь здесь не за тем, чтобы обсуждать со мной свои юношеские стремления?

Рабинов приосанился и бодро кивнул:

– Не за тем. У меня задание – проинтервьюировать вас на предмет недавней экспедиции в Южную Америку. Наши читатели хотят во всех, так сказать, подробностях знать о победах Российской империи на заграничных фронтах! Как вы поймали и разоблачили гнусного шпиона императора микадо? Рассказывайте!

– Никого мы там не разоблачали, – Родин скорчил неприязненную гримасу, – это была спасательная экспедиция с научным уклоном, абсолютно аполитичная. Мы исследовали вырождающиеся племена Амазонки и параллельно искали средство от одного... кхм... странного недуга... Но в первую очередь нашу группу, разумеется, интересовали артефакты.

Георгий решил не вдаваться в подробности долгого Ириного путешествия по скрытым от человеческого глаза мирам, со стороны напоминающего банальную кататонию, поскольку незнакомому с ситуацией человеку все это могло показаться сущим мракобесием. Что неудивительно: группа ученых не может исцелить одну-единственную женщину и не придумывает

ничего лучшего, кроме как обратиться к немывтым необразованным аборигенам с кольцами в носу, проживающим к тому же на другом конце света! Позор, да и только. Потому Родин посмотрел на Рабинова недоуменно и вопросительно: мол, сенсации я тебе не расскажу, будешь слушать про скучные артефакты? Но газетчик, казалось, совсем не расстроился от того, что его лишили увлекательного сюжета со шпионами, и закивал:

– Ну да, ну да, конечно. Научный уклон. Очень интересно! Очень!

И Георгия захлестнули воспоминания. Начав с древнего сказания индейского племени карихона о войне двух племен, кулоне в виде золотого сердца и бедах, которые он принес, Родин продолжил злключениями его команды. Рабинов едва успевал записывать, но молодой врач уже совсем не обращал на него внимания: у него перед глазами стояли непролазные амазонские заросли, жуткие люди с крокодильими головами, бесповоротно мертвый жабий колдун, неправдоподобно красивые смуглокожие амазонки, старуха Кай-Маа с полным гнилых зубов ртом и черный, как сама бездна, колодец. Бездонный индейский колодец, который едва не забрал их жизни, но то, что он им дал в итоге, стоило гораздо дороже... Впрочем, эта история уже не для саратовской газетенки, а скорее для мемуаров клана Родиных.

От воспоминаний Георгия пробудил стук в дверь. Сестра милосердия Аня, давно и безнадежно влюбленная в самого красивого и благородного доктора во всем Старокузнецке (и даже, скорее всего, за его пределами), заметила, что презираемый всеми журналюга явно злоупотребляет гостеприимством, и решила спасти ситуацию. С уставленным чашками и блюдами подносом она бочком вклинилась в дверной проем и заботливо закудаhtала:

– Георгий Иванович, миленький, сделайте перерыв, откушайте чаю с ватрушками. Вас ждет очень сложный и очень срочный пациент, там страшная рана, много гноя, надо чистить. До обеда точно не управитесь, а я вас на такую сложную процедуру голодным не отпущу!

Родин благодарно взглянул на Аню и повернулся к Рабинову:

– Прошу меня извинить, долг зовет.

Однако назойливый писака и не думал уходить. Плотно зыркнув на ватрушки, он лихо и как-то даже по-хозяйски расчистил место на столе Родина и принялся расставлять чашечки.

– Ой, я так люблю ватрушечки! Знаете, у меня мамеле их не только с творожком пекла, но и с повидлом и даже, представьте только, с картошечкой и жареным лучком. Эти у меня самые любимые были! Но с творогом тоже пойдут...

Родин растерянно оглянулся в поисках другого, более действенного повода спровадить журналиста и краем глаза заметил его блокнот, густо исписанный корявыми буквами. Вдруг что-то в этих буквах показалось Георгию неправильным. Он присмотрелся и обомлел: этот саратовский борзописец переврал каждое его слово! «Провал российской военщины»... «Проворонили опасного шпиона»... «Слепцы, бродящие во тьме своих заблуждений»... «Грядет война с микадо, а наш император, как всегда, не готов»...

– Война с микадо? Война с микадо?! Рабинов, у вас совесть есть? – Георгий не на шутку распалился и уже подумывал о том, чтобы надавать писаке тумачков, но вовремя вспомнил о пациенте, которому нужны его чистые и целые руки, и не стал мараться. Вместо этого он с ледяным спокойствием отчеканил: – Вон отсюда.

Рабинов застыл с ватрушкой во рту и весь съежился, судорожно пытаясь придумать себе хоть какое-то оправдание.

– Вон! – повторил Родин и для убедительности сделал шаг в сторону трясущегося как осиновый листок еврейчика.

Рабинов попятился, прижимая к груди свои записи, и не заметил за спиной шкафчика с микстурами, на верхней полке которого стоял увесистый пузатый сосуд с лизолом. Бутыль покачнулась, завалилась на бок, стеклянная пробка со звоном упала на каменный пол, и на лоснящуюся бледную лысину недобросовестного писаки заструилась бурая пахучая жидкость.

Анюта хихикнула и убежала за шваброй, а Родин взял с подноса пару ватрушек, отхлебнул чаю и молча вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 3

В операционной все было готово. Сестрички разложили инструменты, подготовили горячую воду, чистые полотенца, перевязочные материалы. На столе под лампами лежал крупный седой мужчина с окладистой бородой, стонал и бредил: «Ну что ты, что ты, косолапый... Погодь... Да не смотрю я, не смотрю... Я большой-большой, выше ели, видишь? А если подпрыгну? Гляди! Охо-хо... Сынок! Сынок, прости меня, прости, родной...»

– Говорит, медведь на него напал на охоте, – пояснила странное поведение пациента одна из сестричек – спокойная, умелая Глафира. – Вот только непонятно, чего ждал мужик. Почему сразу в больницу не пришел? Довел себя до ужаснейшего состояния, почти сепсис! Весь живот у него в клочья, видите? И гниет уже давно, судя по запаху.

– Сейчас почистим, – сказал Родин и принялся за дело.

Странно, но никаких следов зверя на животе пациента он не увидел. Ни царапин, ни рваных ран. Источником нагноения совершенно точно стало пулевое отверстие – Георгий даже нашел и вытащил саму пулю! И она была явно выпущена из охотничьего ружья, стало быть, про охоту мужик не соврал. Но зачем же соврал про медведя? Почему сразу не обратился за помощью? Пациенту тем временем дали эфира, чтоб не мучился, и он затих. Однако, закончив чистить и обрабатывать рану, Георгий решил не уходить сразу домой, а дожждаться от мужика объяснений. Что-то ему подсказывало, что без острой необходимости скрывать пулю в животе или выдавать ее за рваную рану никто не станет...

Дождавшись пробуждения несчастного, Родин подсел к его койке и спросил в лоб:

– Ну что, голубчик, рассказывайте, зачем соврали про медведя? Или это медведь выстрелил вам в живот из охотничьего ружья и убежал?

Мужик натянул простыню повыше, насупился, вздохнул, открыл было рот, потом подумал немного и опять его закрыл. Не проронив ни слова, уставился в стену.

– Дело в том, – увещевал его Родин, – что я буду вынужден доложить о вашем ранении в полицейское управление. Шутка ли – у человека пуля в животе! Может, в Старокузнецке разбойники какие завелись? Беглые каторжане? А может, вы так неудачно пытались покончить с собой? Тогда мне придется вас обследовать на предмет заболеваний психики, а это, поверьте, не очень-то приятно.

Родин намеренно сгущал краски, чтобы разговорить пациента, и эта тактика, кажется, сработала. Мужик угрюмо посмотрел на него и буркнул:

– Не надо, доктор, в полицию. Все расскажу, если пообещаете обойтись без лягашей.

– Обещаю, если это не дело рук криминального элемента.

– Нет... Сын это. Сын меня подстрелил.

– Сын?! Случайно, стало быть... Что ж, на охоте такое бывает. И в своих попадали, и в грибников. Один раз слышал, даже лыжника подстрелили. Ну а почему же вы, любезный, сразу в больницу не пришли?

– Потому и не пришел, чтобы вы на Никитку маво не донесли. Не случайно он в меня шмальнул-то. Целился, стало быть.

– Что за ерунда? Зачем отца родного убивать?

– Кажись, прознал он, что я Дуську, его жену и мою, стало быть, невестку, за жопу хватал на покосе, пока сам он в город отъехал по делу. До греха за малым не дошло. Мамка-то наша давно померла, а я мужик еще ого-го, сам понимаешь... Дуська, зараза, будто специально крутится передо мной, юбки задирает якобы невзначай. Была бы еще вобла какая, так и не посмотрел бы в ее сторону, но эта как спелое яблочко наливное – кругленькая, румянькая. Вот и не удержался... Сам виноват. Помню еще, нашептывал ей что-то, голова-то уже отклю-

чилась. Говорил, мол, бросай этого дурака Никитку, иди за меня, у меня денег больше, знаешь, говорю, как я на медвежьих шкурах наживаюсь. Тьфу! Старый дурак!

– Нехорошо вышло.

– Нехорошо, доктор! И как раз на следующий день пошли мы с Никиткой на охоту. Набрели на медведя, а я, главное, вижу, он злой, голодный, то ись надо было тихо-тихо от него уходить, не привлекая внимания. Но сынок как с цепи сорвался, спрятался за дерево и завизжал дурниной. Зверь на меня и кинулся. Тяжелый, зараза, глаза красные, дышит падалью, рычит, подмял сразу под себя, носом своим тычется туда-сюда, примеривается, куда вгрызться... Ну, думаю, хорошо, сынок рядом с ружьем. Кричу: «Стреляй!» А он не торопится... Я уж из последних сил от косолапого отбиваюсь и вдруг слышу: «Это тебе за Дуську». И выстрел. Медведь-то струхнул и, что твой заяц, в лес ускакал, только хвостик сверкнул, а я остался валяться во мху с дырой в животе и в небо глядеть. Отведал, старый дурак, молодого тела... Хоть домой теперича не возвращайся. Кое-как заткнул ветошью рану, пошел к Никитке с повинной, а они с Дуськой вещички-то собрали и уехали. Ни записки не оставили, ни слова прощального не сказали. Дня три шарахался я по избе, самогонку пил, на брюхо лил, думал, затянется, а оно только огнем пуще прежнего горело. Ну и вот...

– Ну и вот, – задумчиво повторил за мужиком Родин. – Едва не довели себя до заражения крови! Живот – это вам не нога или рука. Гангрена начнется, не отрежешь.

– А хучь и гангрена. Все одно мне без сына жизни нет. Чего я один буду? Я один не умею... – последние слова мужик бормотал, отворачиваясь к стене.

Родин покачал головой и вышел из палаты.

Глава 4

Родин устало махнул извозчику, и пролетка умчалась дальше, разметав по обочинам ворох сухих листьев. Георгий проводил ее взглядом, поежился, запахивая поплотнее пальто. К вечеру уже посвежело, но день был светлый, безветренный, в воздухе стоял терпкий запах преющей листвы, и клены на аллее перед домом полыхали пламенно-рыжими кронами в лучах заходящего солнца, на секунду мучительно напомнив Родину огненные волосы его возлюбленной. Врач глубоко вздохнул, наполнив объемистую грудную клетку прохладным осенним воздухом, и поспешил к дому. Только что ему пришлось выстоять сложнейшую многочасовую операцию в земской больнице, спасая от ампутации кисть руки бледного худого вольнонаемного рабочего с ткацкой фабрики. Неосторожного мужичка затащило в станок, и, прежде чем его удалось остановить, он размолотил руку, вывернув под неестественным углом. С самого утра Родин шивал сухожилия, вправлял кости, занимаясь привычной по практике военного врача тяжелой и напряженной работой. Неудачливый рабочий лежал под хлороформом, изредка подергивая клочковатой рыжей бородой, и Георгий то и дело с тревогой поглядывал на него – выдержало бы сердце. Теперь все, о чем мечтал Родин, – это мягкая тахта и горячий чай, щедро приправленный крепким душистым бальзамом.

Через несколько минут его мечты осуществились. Усталый эскулап предавался отдыху, вытянув ноги в домашних туфлях и не спеша прихлебывая ароматный напиток. Воцарившаяся в голове мягкая дрема и думать не давала ни о каком серьезном чтении, но новомодный авантюрный детектив, из тех, что Родин читал в качестве снотворного, пришелся как раз кстати. Обложка сплошь пестрела самурайскими мечами, усами и револьверами. Георгий хмыкнул и позволил себе последовать за лихими поворотами сюжета.

Главный герой, частный сыщик из Петербурга, чопорный и холодный джентльмен, блестяще расследуя запутанное дело государственного масштаба, оказался в горах Японии. Там, найдя приют у отшельников-ямабуси, он обучился тайнам искусства ниндзюцу и всяческим эзотерическим практикам. Автор живописал невозмутимого щеголя, медитирующего, сидя на шпагате, среди цветущих сакур под неусыпным взором грозного наставника – старика с карикатурной седой бородой. К шестой главе, когда столичный фронт, быстро превзойдя своих учителей в тайных искусствах, перелетал с одной верхушки дерева на другую и ударом кулака отправлял на тот свет по нескольку подлых шиноби за раз, у Родина уже всюю слипались глаза, и сюжет книжки путался с собственными мыслями и воспоминаниями. Внезапно резкий звук вырвал его из объятий Морфея – настойчиво звонил дверной колокольчик.

Георгий протер глаза и отправился к дверям, одержимый скверным предчувствием. Неужели стало хуже сегодняшнему мужичку с искалеченной рукой? Наверняка проморгали заражение. Но, к облегчению, в вечернем сыроватом полумраке стоял, разглаживая шикарнейшие усы, почтальон.

Родин вернулся на тахту, недоуменно уставившись на казенный бланк телеграммы, и, залпом допив остывающий чай, принялся разглядывать по-военному краткий текст. Георгий перечел телеграмму трижды, и с каждым разом лицо его выражало все большее и большее недоумение. Клавдия Васильевна, пожилая нянюшка Родина, пришла унести пустую чашку, но остановилась, поглядывая с тревогой на своего воспитанника.

– Что случилось, Енюша? Это от Иры, из Петербурга? Все хорошо с ней? Ты чего молчишь?

Георгий отложил листок в сторону и ошарашенно пробормотал:

– Ничего не понимаю, нянюшка. Эта телеграмма от брата... от Бори.

Старушка, охнув, всплеснула руками, и чашка полетела на пол, со звоном разлетевшись вдребезги.

Борис Иванович Родин, средний брат Георгия, уже несколько лет не давал о себе никаких вестей. С тех пор как началась его блестящая офицерская карьера, встречи с родными становились все реже. И по мере того, как Борис переходил из прапорщиков в поручики, из поручиков в штабс-капитаны, из штабс-капитанов в подполковники, поток писем домой становился слабее и слабее, а сами письма все короче и суше. Наконец, когда удачливого молодого офицера пригласили консультантом в Генеральный штаб, под предлогом секретности государственных дел переписка была прекращена вовсе. И вот, как снег на голову, приходит эта телеграмма, с текстом еще более удивительным, чем личность отправителя. Бледно-свинцовые буквы на бланке гласили:

ЕНЬКА ТЫ НУЖЕН ОТЕЧЕСТВУ ТЧК СРОЧНО ВЫЕЗЖАЙ
САХАЛИН ТЧК ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК
ПОДРОБНОСТИ НА МЕСТЕ ТЧК ОТ ТЕБЯ ЗАВИСИТ ОСТАНОВИТЬ
ВОЙНУ ТЧК БОРИС

Родин вглядывался в бланк телеграфной депеши, пытаясь через эти сухие строчки вызвать в памяти образ брата. Они не встречались уже очень давно, поэтому основные воспоминания о Борисе были связаны со старокузнецким детством братьев Родиных. И воспоминания эти не были для Георгия особенно приятны. С раннего детства, Боря выказывал большой интерес к военной службе и всему, что было с ней связано. Его мало интересовали шумные нелепые забавы сверстников. Горелки, лапту, салочки он находил глупыми и бесполезными, предпочитая им свою великолепную коллекцию солдатиков. Борис тщательным образом составлял оловянные батальоны на полу гостиной в соответствии с прусским учебником военной тактики. Уже тогда он представлял себя полководцем и с упоением маневрировал послушными усатыми гренадерами ростом не более двух вершков. Однако физическим развитием Борис тоже не пренебрегал – занимался фехтованием, верховой ездой, а каждое утро, без исключений, обожая дисциплину и всяческий порядок, начинал с холодных обливаний и гимнастики. Что же до стрельбы по мишеням, то тут ему и вовсе не было равных.

Но дисциплину и муштру Борис любил применять не только к себе, и маленький Енька волей-неволей становился одним из оловянных солдатиков старшего брата. Тот, разочаровавшись в попытках взять в соратники буйного и своенравного Всеволода, весь пыл милитаристического увлечения обратил на младшего брата, задумчивого тихоню. Георгий оказался без экзаменов принят в спартанскую школу настоящих мужчин. Занятия начинались ежедневно в шесть утра с того, что добровольный наставник-истязатель гнал сонного брата Еньку в одних кальсонах на обливание колодезной водой или, по сезону, растирание снегом. После гимнастики и фехтования Георгий, потирая синяки, оставленные безжалостной рапирой брата, переходил к теоретической части своего курса обучения. К изучению были обязательны не только труды Карла Клаузевица и Макиавелли, кроме них Родину каждодневно приходилось штудировать учебники баллистики, инженерного дела, а также биографии великих полководцев. На любую ошибку или нерасторопность младшего брата Борис немедля отвечал целой россыпью сухих ядовитых шуточек, стараясь максимально принизить ученика и добиться наилучшего подчинения. В минуты скуки Борисом выдумывались более изощренные упражнения, и Георгий вместо игр и досуга часами тренировался с пятидесяти шагов попадать булыжником, символизовавшим гранату, в маленькое лукошко или под язвительные комментарии брата бесконечно атаковал мешок с песком, грубо наряженный под турка, с помощью тяжелой неуклюжей палки. Но любимейшей забавой Бориса всегда было муштрование брата в стрельбе по движущимся мишеням. Причем главной шуткой было то, что в случае промаха Георгий, подобно охотничьему сеттеру, должен был лезть в болото и бурелом за упущенной глиняной тарелочкой и приносить ее обратно расточавшему иронические замечания брату.

В будущем, выбрав беспокойную профессию военного врача, Георгий не раз вспоминал Бориса добрым словом – и за стрельбу по тарелочкам, и за изнурительные часы, проведенные в фехтовальном зале. Но память об испытанном унижении, холодном и зачастую презрительном отношении брата, безжалостных наказаниях за проступки, все это тяжелым черным камнем лежало на дне души Родина, и фигура Бориса вызывала смутную тревогу. Но делать было нечего, желтоватый листок телеграфной депеши бросал вызов, а пренебрегать подобными вызовами было не в правилах Георгия. Он мог бы отказать брату, но отечеству отказывать не привык.

Родин взглянул на часы, поезд на Тобольск отправлялся рано утром. Оставалось еще время на сборы. Утешив Клавдию Васильевну, взволнованную неожиданной весточкой от ее ненаглядного Борюсика, которого она, как и Георгия, помнила еще ясноглазым мальчуганом, Родин принялся паковать самое необходимое в небольшой дорожный чемодан. Помимо теплого белья в него отправился походный хирургический набор, пара склянок морфия, револьвер и несколько книг. Теперь оставалось только послать Ирине в Петербург телеграмму с объяснением своего неожиданного и таинственного исчезновения из Старокузнецка, а также с горячим (насколько это позволял телеграф) заверением в любви.

Утром, отправив заспанного мальчишку в земскую больницу передать записку для Юсупова с извинениями за внезапный отъезд, Родин направился напрямиком на старокузнецкий вокзал. Молодой врач вдыхал холодный влажный воздух полной грудью, и предчувствие приключений тревожило его отважное сердце. Извозчик, подъехавший в насквозь отсыревшей за ненастную ночь скрипучей пролетке, с беззлобным удивлением глядел на коренастого зеленоглазого барина, пребывавшего этим хмурым темным утром в таком радостном возбуждении. Решив наконец, что барин не иначе как крепко выпил, он плюнул наземь и, запахнув поплотнее сырой тулуп, пустил лошадь рысью.

Глава 5

Мерно покачиваясь в такт хода поезда, Родин вдумчиво изучал содержимое свежего выпуска «Военно-медицинского журнала». Нехитрое убранство купе его несколько не смущало. Для комфорта этому опытному путешественнику и аскету мало что нужно, разве что горячий черный чай да сухая чистая постель – и то и другое в поезде было представлено в лучшем виде. А занять свой ум Георгий всегда умел.

Осень уже вступила в свои права, около семи темнело, и лишь бездонная ночь с редкими светлячками фонарей царствовала за окном. Зато днем можно было любоваться красотами природы замечательной поры. Вагоны равнодушно проплывали мимо багряных рощиц, еловых чащоб, бесконечных и бескрайних аккуратных лоскутков полей. Под ними бурлили величественные реки, безмолвной гладью чернели глазницы озер, а в небе вереницы птиц мигрировали по своим птичьим тропам. Не склонный к рефлексии, Георгий все же немного хандрил из-за разлуки с Ириной, а набирающая силу осень вторила ему картинками рыжей печали и туманными далями. Впрочем, лучшее средство от хандры – путешествие, и с каждым километром наш герой все более исцелялся от этой русской болезни. Вот уже и красавец Урал остался позади, а впереди были еще сотни и сотни километров пути, и среди них суровые, жестокие и печально известные края каторжных тюрем-централов – мест последнего пристанища многих ссыльных и поселенцев.

– Тобольск, подъезжаем к Тобольску! – растягивая буквы и отчаянно окая, известил пассажиров важный обер-кондуктор.

Георгий отложил в сторону журнал и засобирился, приводя в порядок костюм. Ему захотелось глотнуть свежего воздуха и немного размяться на станции, однако планы его претерпели существенные изменения.

Поезд Родина качнулся и остановился у перрона вокзала, поравнявшись с каким-то скорым составом на соседних путях. У лестницы вагона стояли два младших офицера и всматривались в лица выходящих пассажиров. Увидев Родина, военные приветствовали его и пригласили проследовать в вагон скорого поезда, многозначительно добавив полушепотом:

– Дело государственной важности!

Стоянка в Тобольске обещала быть долгой, и Георгий без колебаний принял таинственное приглашение.

В плохо освещенном купе скорого, спиной ко входу, стоял военный и разглядывал пестрый люд перрона. Офицеры, сопровождающие Родина, четко рапортовали:

– Ваше высокоблагородие, господин Родин доставлен! – И вышли вон.

Полковник повернулся, и в нем Родин узнал своего брата Бориса. Красивый и статный, с молодцеватыми усами; форма на ладной фигуре сидела превосходно. Крепко обнявшись, по приглашению Бориса братья уселись на диване.

– Еня, а ты молодцом, приятно посмотреть, каким бравым ты стал. Мне Всеволод писал. Не зря, не зря, видать, я тобой занимался и ковал из тебя мужчину. Сделал из тебя человека!

Борис дружески хлопнул брата по плечу и с искренним удовольствием посмотрел на Георгия.

Минутой позже он вдруг посерьезнел и перешел к делу:

– Нам с тобой раскачиваться времени нет. Вот материалы по делу, ради которого ты проделал весь этот путь, и верю, не остановишься на полдороге.

Борис передал брату пухлую зеленую папку с золотым тиснением:

– Здесь все, что есть. Расскажу кратко предысторию, а ты мотай на ус. – Борис закинул ногу на ногу и начал повествовать: – Как ты, наверное, знаешь, политика ныне не простая – Япония готовит кампанию против России. Скажу больше: разведка и контрразведка японцев

настолько сильны, что мы не успеем противопоставить им ничего серьезного. Скорее всего, они нас уничтожат стремительным ударом, – тут Борис сделал паузу и торжественно посмотрел на брата, многозначительно покручивая ус.

Георгий с шумом выдохнул и развел руками.

– Ну если ты это говоришь – остается только... не знаю что. И каков план? А что говорит разведка, почему проморгала? Мы же Россия! История, сила... Глыба! – Георгий упрямо мотнул головой.

Борис, задумчиво наблюдая за горячностью младшего брата, продолжил:

– Наша разведка сработала отлично. Увы, Еня, Россия и правда глыба, и часто это неповоротливая глыба. А у государя много наушников и «советчиков». В общем, все это довольно сложно устроено, как-нибудь потом расскажу, – навел тумана Борис. – Скажу только, что моя группа как раз занималась разработкой и воплощением этой операции. Подразделение это абсолютно засекреченное, без званий, чинов и настоящих имен. Мы его называем просто клубом. Русским клубом. Операция настолько тонкая и засекреченная, что я не могу о ней говорить никому, даже государю.

При этих словах брови Родина-младшего медленно поползли вверх от удивления.

– Всех деталей не знают даже участники клуба. Тебе я расскажу все, так нужно для дела, – важно подытожил полковник. – Японцы – испокон века мистики и язычники. В семнадцатом веке христианство и вовсе было под запретом на островах. Их язычество, синто, имеет сходные черты с нашими древними верованиями и чем-то напоминает тот культ, который справляли наши предки еще до Владимира Святого. У японцев тысячи духов и богов, именуемых ками. На каждый предмет утвари, на каждый уголок земли, воды и воздуха есть свой специальный дух. Отношение к ним японцев настолько трепетное и серьезное, что выходят эти духи очень живыми и куда реальнее наших святых. Сам император считает себя потомком Аматаэрасу – богини-солнца, одного из главенствующих божеств японского пантеона синто. Согласно синтоистским верованиям, Аматаэрасу есть прародительница японского императорского рода. Когда микадо Муцухито, нынешний император Японии, семь лет назад посещал дзингу Сухидаини-но ками – святилище Богини Осаждающегося Песка, он впал в состояние мистического транса, во время которого ему привиделось, что он вступил с богиней в связь. – Тут Борис позволил себе слабо усмехнуться и продолжил повествование: – Как нам это удалось, говорить не буду. Есть, знаешь ли, у нас свои методы и средства. Суть в том, что через девять месяцев в святилище родился мальчик, дитя императорской крови, а если точно следовать нашей легенде – сын микадо и великой ками.

Здесь Георгий, на время рассказа брата затаивший дыхание, не выдержал и громко расхохотался в голос:

– Что за бред!

– Позволь, братец, я закончу, – остановил его невозмутимым жестом Борис, – осталось немного. Так вот, этот мальчик, родился он в России, назывался бы святым или даже пророком. У японцев такой человек называется камикагари. Переводится очень красиво – божественная одержимость духами ками. Что-то вроде наших юродивых. Тонкость в том, что этот мальчик может остановить грядущую войну. Может – когда найдется. Если тебе удастся его возвратить.

– Как возвратить? – опешил Георгий. – Выходит, мальчик все время был у нас?

– Да, верно, – кивнул Борис, – обо всем этом ты прочитаешь в подробном отчете. Мальчик был доставлен нашими лучшими агентами на Сахалин. Оттуда он должен был начать свои божественные проповеди. Согласно древнему пророчеству, великий камикагари придет с Карафуту открыться людям как сын императора и великой богини и остановить войну. Незадача в том, мой милый братец, что мальчишка бесследно пропал. Кто-то его выкрал.

– погоди, как это выкрал? А что же твои агенты?

– Их и след простыл. В таких случаях это означает, что их либо убили, либо перевербовали. Можно, конечно, продолжать работать в условиях первого варианта, но рисковать так мы не можем. Если принять первый вариант и послать на поиски наших людей, в случае сработавшего варианта с перевербовкой их могут узнать и выдать. Да и... – полковник замялся. – Есть там еще ряд сложностей, посвящать в них тебя не имею права. Провалить операцию смерти подобно, потому я пригласил тебя.

Тут Борис встал, и его примеру последовал и младший брат.

– Друг мой, дело это благородное и благовидное. Мы не ждем от тебя подвигов: не надо ни убивать, ни взрывать и прочее. Просто найди мальчика и приведи его на центральную площадь Александровска двадцать седьмого ноября. Легенда для тебя сложилась идеальная: в каторге случилась, как нельзя кстати, вспышка тифа. Тебя как известного всей России эскулапа командируют в местный лазарет личным указом руководителя медицинского департамента при МВД империи.

Георгий попытался протестовать, но поезд уже дал протяжный гудок.

– Верю в тебя! Удачи!

Борис крепко обнял брата и проводил его до дверей вагона.

Глава 6

В голове не складывалась странная головоломка: с одной стороны, опасность грядущего японского вторжения, о котором не говорил только ленивый и которое можно было как-то предотвратить, секретные операции разведки и контрразведки, а с другой – рождение сына микадо от богини... Как эти две несовместимые реальности могли вообще существовать рядом? Во всем этом молодому доктору предстояло разобраться.

Поезд набирал скорость, Георгий устроился поудобней и взял в руки увесистую папку. Внутри было множество документов, фотографических карточек, бумажек, рапортов, карт и записок. Слова брата про язычество и мистику никак не вязались с представлением Георгия о Японии, хотя какие-то знания из прослушанного во время учебы курса истории мировых религий всплывали.

Первая подборка документов была посвящена подробному описанию синтоизма, государственной религии Японии и пантеона японских богов – ками. Название религии, вспомнил Георгий из учебного курса, заимствовано из Книги Перемен, древнейшего китайского текста.

На этом знания молодого врача о религии Страны восходящего солнца заканчивались. Во всем, что было далеко от близкого душе православия, Родин терялся и не чувствовал себя комфортно. Азиатский мир с его специфическими понятиями о чести, верности и достоинстве человека был для него далек и непонятен.

Тем не менее в справке давалась исчерпывающая информация о термине «синто» – «пути богов», который упоминался для объяснения пути небесных божеств. Обычно он выражался в регулярном чередовании всего, например в смене времен года, а также в том, что совершенно мудрый благодаря знанию «пути богов» в состоянии сохранить порядок в Поднебесной. С этим было все ясно. И Георгий взял в руки следующий документ.

Речь шла о реставрации Мэйдзи.

Об этом Георгий не знал ровным счетом ничего и, сосредоточившись, принялся вчитываться в справку. В ней упоминался период после провозглашения в 1868 году курса на восстановление древнего японского государства. Тогда правительство решило сделать местное язычество синто государственной религией. Несмотря на тысячелетнюю традицию гармоничного существования синто и буддизма, языческие святилища и буддистские монастыри были разграничены, а тысячи буддистских храмов ликвидированы. В первые же годы реставрации Мэйдзи был выпущен указ об отделении буддизма от синтоизма и создан Департамент синтоизма. В 1870 году император Мэйдзи принес присягу перед пантеоном ками, и синтоизм стал официальной религией Японии.

Затем шел детальный доклад о посещении императора Муцухито святилищ, которые он лично инспектировал. В одном из них, как и говорил Борис, в ходе ритуальной трапезы завербованный российской разведкой жрец подмешал императору снадобье, вызвавшее у Муцухито сильнейшую галлюцинацию – любовную связь с Богиней Осаждающегося Песка, в то время как помощница жреца, также завербованная разведкой, совершила половой акт с императором и понесла от него.

Как было отмечено в документе, каннуси, то есть жрец, был потомком айнов, древних жителей Сахалина, которых японцы планомерно уничтожали, а жрица, то есть мико, только что потеряла мужа после рейда правительственных отрядов. Так что оба были заинтересованы как в успешном исходе операции, так и в падении режима микадо.

Такого поворота событий Родин ожидал меньше всего. Он глубоко вздохнул и отложил документ. Вся информация была настолько далека от его привычного мира, что его не покидало ощущение нереальности происходящего. Захотелось себя ущипнуть и очнуться, как после

кошмарного сна. Он на секунду закрыл глаза, затем встал, походил по купе, встряхнув головой, сел и продолжил чтение.

Мальчик так и не обрел дара речи, что сразу отметили как прикосновение божественных ками: немота, как известно, – золото. И так, в течение семи лет мальчик воспитывался при святилище и проходил обучение у местных воинов, поэтов, мудрецов и философов, создававших из него местного пророка. Постепенно он стал тем, кого в Японии называют камикагари. Обладая божественной одержимостью Богини Осаждающегося Песка, он мог проричать, к чему в мистически настроенной Японии прислушивались. Стоит ли говорить, откуда брались эти пророчества и кто их искусно вкладывал в уши мальчика.

Другой документ. Отношение микадо к предстоящему конфликту. Докладчик писал, что, судя по творчеству императора Муцухито, он и сам не особо желал войны, но, увы, короля играла свита. Автор текста настаивал, что пророчество сына императорской крови, да еще и камикагари, призывающее к отсрочке начала военных действий, может изменить результаты будущей войны. Всего полгода нужно Российской империи, чтобы поставить флот и войска к театру военных действий на самом Дальнем Востоке.

Георгий почувствовал, как у него вспотели ладони и сильнее забилося сердце от предвкушения того, что он втянулся во что-то опасное, с непонятным исходом.

Он отложил доклад и взял отчет об операции сотрудника разведки.

В нем описывалось, как мальчика решили доставить на Сахалин особым образом, чтобы придать его появлению мистический эффект.

Операцию проводили два опытейших агента Чугун и Влас. Они привезли мальчика в Александровск и разместились в заброшенном доме на отшибе. Там он должен был пройти последние тренировки и после инструктажа явить главное пророчество в японской общине на традиционном празднике Урожая. Разбившуюся лодку по плану должны были обнаружить рыбаки.

Последним документом был рапорт. Пробежав его глазами, Георгий шумно выдохнул, отбросил бумаги и бессмысленно уставился в окно.

Рапорт

Настоящим довожу до вашего сведения, что агенты Чугун и Влас не выходят на связь с 10 числа сего месяца.

Глава 7

Поезд тем временем уносил молодого врача все дальше и дальше, через Центральную Сибирь к восточным границам его огромной родины, истинные размеры которой можно понять только так – увидев ее из окна вагона. Состав миновал Тюмень, вековые таежные ели потихоньку сменялись унылыми степными пейзажами, мокрый, полубогаженный осенними ветрами подлесок уступил место ковылю, проступили из мглы величественные мрачные горы Саяны, осталась позади башенка иркутского вокзала. Дни сливались для Родина в один бесконечный день, заполненный убаюкивающим, монотонным стуком колес.

Менялись соседи по вагону, лица случайных попутчиков пробегали мимо размытым хороводом и сразу же забывались, как отрывки сна; сопротивляясь вагонной качке, акробатически изгибались официанты, разнося чай и закуски, проводник откашливался и поправлял фуражку, все было одинаково изо дня в день. Георгий проводил время за книгами, обдумывая предстоящее задание и стараясь побольше узнать об ожидающем его неприветливом острове, окутанном дурной и мрачной славой. Среди прочего, Родина заинтересовал «Остров Сахалин», написанный его коллегой, доктором Антоном Чеховым. Нельзя было не поразиться скрупулезности и точности этого труда, во всех подробностях и мелочах описывавшего нелегкий быт и окружение Сахалинской каторги. Не раз Георгий откладывал книгу и подолгу глядел в окно, раздумывая, как непросто ему придется в этом диком месте, где жестоко все – и природа, и человеческие сердца.

После того как состав миновал Иркутск, в виде небольшого оживления монотонной дороги предстояла паромная переправа через прозрачный ледяной Байкал, серебристым серпом залегший среди гор. За ним, и дальше, за дымящей заводами Читой, начиналась Китайско-Восточная железная дорога, открытая всего несколько месяцев назад.

Теперь поезд постукивал через дымчатые просторы Маньчжурии. Однообразие холмов, изредка попадавшиеся неподвижные силуэты верблюдов, безлунные ночи, когда за окном подолгу не было видно ни единого огонька, – все это нагоняло грусть, и Родин с тоской вспоминал золотистые клены и прозрачные вечера старокузнецкой осени, которую он так недавно покинул. Но вот вскоре поезд миновал Харбин, оставил позади Владивосток и медленно пополз на север. Георгий приободрился – следующей остановкой был Хабаровск, где предстояло покинуть опостылевший вагон и продолжить путешествие другим способом.

Путь лежал дальше на север, не доезжая Николаевска, в залив Де-Кастри. Пароход «Байкал» должен был доставить его через бурный Татарский пролив к мрачным берегам острова-тюрьмы. Следовало поторапливаться. В Хабаровске Родин продемонстрировал офицеру фельдъегерской службы свои бумаги и письмо с просьбой о всяческом содействии, подписанное лично Борисом.

Офицер еще во время чтения зашевелил усами, автоматически вытянулся по стойке «смирно», и уже через полчаса тряские дрожки понесли Георгия прочь через амурскую тайгу. Государева служба доставки важных донесений и не менее важных персон взялась за дело со всем рвением – меняя лошадей на каждой станции, лихие черноусые фельдъегери гнали во всю мочь по раскисшим от осенней грязи проселкам, грозя вытрясти всю душу из усталого путника.

Кое-где тракт был в таком состоянии, что быстрее было сплавляться на лодке по холодным черным водам Амура, чем ползти по бесконечной слякоти дороги. Чем дальше продолжалось путешествие на север, тем суровой и неприветливее становилась природа. И вот наконец дорога подошла к концу. В сопровождении молчаливого проводника-тунгуса, уже успевшего надеть теплую зимнюю парку из собачьего меха, Родин прибыл к посту Де-Кастри. Следующим

утром катер должен будет доставить путешественника на борт «Байкала», а пароход, в свою очередь, переправит его в южную часть Сахалина.

Глава 8

Белая чайка некоторое время летела вровень с палубой парохода. Порывистый холодный ветер трепал ее перья, бросая птицу то к пенистым гребням волн, то к грязному борту. Вскоре ей надоело ждать подачи, и она взмыла в низкое серое небо. С высоты птичьего полета было видно, что море, по которому пыхтел, кувыряясь, кораблик, упирается с обеих сторон в берега. Один из берегов был ближе, и птица направилась к нему.

Узкая береговая линия прерывалась скалами, по широким песчаным пляжам были насыпаны темные от воды валуны. На коричневом песке тут и там лежали переплетенные водоросли. Дальше, там, где не доставал прилив, начиналась низкая растительность, спутанные ветки кустарников с облетевшими листьями перемежались вечнозеленым стлаником. Оставшиеся кое-где желтые и красные осенние листья яркими пятнами привлекали к себе внимание. Стоявшие маленькими группами ели смотрели ветвями от моря, словно спрятавшись от ветра. Низкая растительность постепенно переходила в невысокий лес. На горизонте темнела гряда холмов, переходящая в далекие горы, силуэты которых едва угадывались в закрывавшей горизонт дымке.

В разрыве облаков вдруг показалось небо, неожиданное солнце осветило далекий лес, полоснуло по верхушке горы, отразилось от покрытого снегом склона и заиграло осенними красками по всей долине. Преображение было неувловимым и полным. Весь пейзаж приобрел глубину и насыщенность. Темно-зеленые, почти черные на ярком свете елки, желтые пятна лиственных лесов, красные клены перемежались с бурыми склонами холмов. Горы, покрытые снегом, стали хорошо видны. Небо очистилось, облака превратились из сплошного серого одеяла в аккуратные мотки сахарной ваты. Их тени бежали по долинам вниз, то открывая, то снова пряча разноцветные пятна, покрывавшие холодную землю.

Налетел порыв ветра, потемнело. Краски осенних лесов смазались и поблекли. Облака разорвало в клочья, небо словно опустилось, и снова тоска охватила унылый пейзаж.

В воздухе запахло дымом, чайка направилась вниз, к человеческому жилью. Сверху рыбацкий поселок напоминал горсть семечек, небрежно рассыпанных между двух холмов. Черные от влаги бревенчатые хижины с покосившимися крышами без всякого порядка расположились вдоль впадавшей в море речки. Развешанные сети трепал ветер, людей не было видно.

Приближаясь к земле, пароход подал протяжный сигнал. Звук сирены еще больше взбудоражил пассажиров на борту. На палубу уже вывели арестантов первого отделения, и они исподлобья вглядывались в эти серые, ничего хорошего им не предвещающие берега. Надзиратель начал переключку. Каторжане подавали свои ослабевшие голоса, в их глазах читалась крайняя степень бессилия и безнадежности. Пошатываясь, они в растерянности оглядывались вокруг.

– Садись на баржу! – скомандовал надзиратель, и те шеренгой начали спускаться по узкому трапу.

Это чувство тоски и безнадежности передалось и Георгию. Он стоял на палубе и наблюдал, как из недр парохода выводят новые партии преступников и погружают на баржи, и те, буксируемые небольшими катерками, направляются к берегу.

На палубу вышел Семен Семенович Ноговицын, доктор с Корсаковского поста.

– Сейчас наших понесут, – произнес он.

«Наши» – это больные из его лазарета, которым была нужна хирургическая помощь. Их везли с Корсаковского поста в Александровский за неимением там операционной комнаты. Когда Георгий узнал об этом, его возмущению не было предела: несчастные ждали операции месяцами, тогда как помощь им была нужна порою немедленная. Родин с Ноговицыным про-

следили, чтобы этих страдальцев как можно аккуратней перенесли на баржу, и на этом же судне двинулись к берегу.

– Это хорошо, что теперь у местного доктора будет подмога в виде такого специалиста, как вы, Георгий Иванович. А то нынче с этой вспышкой тифа в лазарете совсем тяжело стало. Хорошо, очень хорошо, что вас к нам направили, – приговаривал Ноговицын. – Вы куда теперь? Поедьте с нами в лазарет сразу?

– Я бы так и сделал, да сначала должен представиться вашему медицинскому чиновнику. Так что я сейчас напрямик к нему поеду.

Борис дал ему четкое указание: с парохода сразу отправиться к Филиппу Игоревичу Старопосадскому.

– Он тебе там все устроит, – многозначительно сказал тогда брат.

Что конкретно должен был ему «устроить» Старопосадский, Родин догадывался лишь отчасти. Возможно, просто похлопочет об его устройстве на острове, а может, и расскажет какие-то новые вводные относительно дела с японским мальчишкой. Так или иначе, Георгий распрощался с Семеном Семеновичем и только хотел взять извозчика, как к нему подошел какой-то мужчина в бушлате, перешитом из арестантского, и с уже заранее протянутым картузом начал сбивчиво тараторить:

– Третий день парохода жду, сударь, третий день почти не емши, подайте, Христа ради, на билет, денег-то я скопил, но теперича билет-то, билет... сто шестьдесят рублей билет... а я ведь отбыл свое уже, вольный, стало быть, человек... подай, ради Христа на билет...

Только Георгий сунул ему монету, как заметил, что с другой стороны приближается еще одна фигура, уже издалека снимая шапку. Тут молодой врач заметил извозчика и сделал ему знак.

– К Филиппу Игоревичу Старопосадскому мне нужно, довезешь?

– Довезу, чего уж, садитесь.

А позади уже выл собакой, ухал филином и крутился волчком какой-то сумасшедший, и старик в белой хламиде кричал, заглушаемый ветром:

– Покайтесь, православные! Покайтесь! Грядет...

Глава 9

Пост Александровский с первого взгляда не представлял собой ничего необычного. Небольшие одноэтажные деревянные домишки вдоль широких немощеных улиц – как в любом другом провинциальном городке. Возле некоторых домов даже были разбиты небольшие палисадники, правда растительность в них была весьма скудной. Хилые деревья и жидкие кусты – видимо, все, что росло в этих краях, – ничем не украшали окрестностей, а только придавали улице какой-то жалкий вид.

Вдруг по левую сторону дороги Родин заметил часовню, выделяющуюся среди остальных строений не только тем, что она была единственным каменным зданием, но и своей необычайной красотой.

– Сам государь император построил, опосля как из Японии вернулся, – с гордостью пояснил извозчик. – Это он когда еще цесаревичем был, ездил туды, а там лягаш басурманский на него нападение совершил. Обошлось, однако, все, миловал Бог. Так что вернулся государь и построил в благодарность за милость Божью эту часовню.

Вот, подумал Родин, японцы-то на нашего наследника престола покушались, а я теперь должен их наследника спасать. Интересный расклад получается.

Второе каменное здание, которое заметил Георгий, оказалось метеорологической станцией. Кроме того, там располагалась школа, как сообщил ему тот же извозчик, очень общительный мужичок.

Георгий обдумывал, а не расспросить ли его про пропавшего мальчишку, раз уж он такой разговорчивый. Но сначала решил увидаться с чиновником, как напутствовал брат. Известно, что тот ему скажет. А с извозчиком он всегда сможет поговорить, как сказал Семен Семенович, извозчик тут вообще один-единственный – обычно все ездят на казенных.

Для Родина тут все было необычным. Только он подумал, что Александровск выглядит подобно большинству унылых заштатных городишек, как из-за угла показалась колонна с арестантами, послышались звяканье кандалов и ругань надзирателей. Да, это место все меньше и меньше напоминало рядовой провинциальный город. Все-таки каторга! Такой концентрации преступности и порока в одном месте вряд ли еще можно где-то увидеть во всей России.

Похитить ребенка здесь мог почти каждый, размышлял Георгий, взглядываясь в колонну каторжников. Но зачем? Вряд ли с целью выкупа, ведь для этого нужно понимать, что за него кто-то готов заплатить. А наследник прибыл с двумя оборванцами, которые тоже пропали. Что, если они сами украли мальчишку? Но почему тогда не требуют выкуп?

Так, ладно. Все же надо делать поправку на Сахалин. Украсть ребенка можно, чтобы научить его воровству. Тут кругом одно ворье. Дети более проворны, и от них менее всего этого ожидаешь, на материке шайки часто используют детей в своих целях. Но это ведь не материк, опять-таки у кого тут воровать? Если его и похитили, то вряд ли из какого-то более или менее внятного расчета. Выходило, что мальчишку мог похитить только дурак или... тот, у кого не все в порядке с головой. Вдруг его убил какой-нибудь умалишенный? Маньяк, соскучившийся по крови? А что? Целый остров маньяков: свезли со всей России.

Вот уж местечко – воры, убийцы, предатели родины. Да, политические. Родин задумался о политических преступниках, свезенных сюда. Нет, вряд ли они могли причинить вред японскому мальчику: все наши левые да либералы – за Японию.

– А что, много тут японцев? – спросил Георгий кучера.

– Да есть немного. У нас тут всяких понемногу: и японцы, и гиляки, и тунгусы, и айны, да и с других земель полно – иностранцев у нас тоже тьма: немцы, англичане, французы... Кого хошь тут можно встретить. А все потому, говорят, что капиталы тут должны быть несметные, из земли, говорят, будут богатства добывать. Вон они все и съехались отовсюду, как про капиталы

услышали. Да и наши не теряются, вон инженеры стали приезжать на поселение, раньше такого не было, а теперича вон едут умные ребята к нам, образованные, как вы. Один вон приехал, говорит, землю будет бурить, горное масло искать, жена у него учительница – детей теперь наших учит, до этого-то только ссыльные учили, политические, они ведь только умные тут были.

– Как вы тут к иноземцам относитесь?

– Так что мы-то, посудить, так и сами тут иноземцы среди тунгусов да гиляков. Я так скажу: пуцай будут, а чего? Тут всякого сброду полно, что не иноземец, так каторжник... так вот и живем, барин. Японцы селятся в своей колонии, никому в общем-то не мешают. Чего уж...

То есть вряд ли тут есть какие-то ярые группировки япононенавистников. Значит, остаются маньяки-убийцы. Либо еще какие-нибудь японские шпионы, которые решили сорвать операцию. Прознали про легенду и решили на всякий случай уничтожить японского мальчишку. Боря, Боря, куда же ты меня втянул?..

В конце концов, мальчишку могли похитить и сами агенты, которым поручено его сопровождение. Ведь их могли завербовать те же японцы, либо сами агенты решили нажиться на деле государственной важности, похитили мальчишку и просят выкуп, понимая, что в таком случае вряд ли будут скупиться. Хотя кто должен платить им выкуп? Их же начальники? Борис? Но брат ничего не говорил о выкупе, он сказал только, что мальчик исчез вместе с агентами. Вот и все, что он сказал.

Борис рассчитывал получить нужную информацию уже с места. Этим Георгий и должен заняться в первую очередь. Так что, пойти в лес? Следопыт из него неважный. Лучше начать с расспросов, поговорить с каторжанами, например. Хотя гиблое это дело – скажут ли они чего заезжему человеку? Эти люди хитрые да подозрительные, с ними надо поосторожней. Хотя попробовать, конечно, стоит. Да, обязательно нужно сходить на угольные копи, разузнать вообще о здешних настроениях.

Но первым делом, конечно, нужно обыскать дом, где жили агенты с мальчиком, там должны остаться какие-то следы, а может, даже и зацепки. Потом спрашивать людей вокруг, кто что видел, городок ведь небольшой, все должны друг друга знать. Кроме того, разумеется, нужно сходить в эту японскую колонию. Они, наверное, обращают внимание на соотечественников, японского мальчика не могли не заметить. Чего-нибудь интересное они должны рассказать...

Проехали до середины широкой немощеной улицы, миновав собор, губернаторский дом, присутственные места, в унылой чередности одноэтажных домов повозка остановилась.

– Вот и приехали, – оборвал размышления Родина извозчик. – Вот он, дом Филиппа Игоревича.

Глава 10

Филипп Игоревич Старопосадский, чиновник от медицины, круглый румяный толстячок, говорил быстро и округло, как будто сыпал мелкие камушки:

– Наконец-то, любезный Георгий Иванович! То-то Верховцев обрадуется! Это доктор наш, трудяга и энтузиаст. Изволите ли видеть, к его обычной работе – ха-ха! уж и обычная! не дай бог таких обычаев! – теперь еще и тиф добавился, не угодно ли! Но уж вдвоем-то вы мигом со всем разберетесь. Ведь болеют, ой как болеют! И каторжные, и вольные, и старые, и малые. Обычных рук не хватает, а уж квалифицированный доктор – великая драгоценность в наших местах.

Во время этой тирады, следуя едва уловимым знакам хозяина, здоровая румяная девка поставила на стол лафитничек, две стопки, накидала мисочек со снедью, водрузила блюдо пирожков с медвежатиной и умчалась ставить самовар.

Георгий не успел моргнуть глазом, как уже принимал по второй, закусывал и прикидывал, как бы ему половчее перейти к интересующему его вопросу.

– Филипп Игоревич, мне бы с постоем определиться, и вот еще какое дело...

– Так что определяться? Глаша, Глафира!

В дверях как из-под земли возникла запыхавшаяся Глафира.

– Дуй к Марфе, пусть перины взбивает, новый хозяин скоро к ней будут, да помощи ей там, чтобы господину доктору не утомиться ожидаючи!

– Так Филипыгорич, уже взбито, выметено и нагрето все. Водка стынет, самовар под парами!

– Избу тебе, Георгий Иванович, уж такую знатную нашли! Дом новый, чистый, теплый, а уж хозяйка в нем!.. Марфой звать. Девка сноровиста, умела и мила, да-с, очень мила. И освободилась недавно, и не то что пришила кого-с, а за саргу липовую!

– Что-что? – не понял доктор.

– Блины пекла! – козырнул знанием каторжного жаргона Старопосадский. – Подбил ее ухажер на фальшивомонетничество, а сам и сгинул. Баба-то и приняла грех на себя. Любила, стало быть. Марфа-то хорошая бабенка, ага-с. А с моей Глашей подружки. Ежели что выкамарит, так я мигом узнаю.

Старопосадский с особым выражением подмигнул Глаше, она в ответ улыбнулась, привычно сложив руки на животе.

По едва заметной фамильярности в обращении девки с хозяином Георгий понял, что отношения жильцов этого дома отнюдь не формальные, и ему на миг стало неловко.

«Ну, в каждой избушке свои погремушки», – подумал молодой врач и вновь попытался приступить к выполнению своей миссии.

– А что, Филипп Игоревич, народец здешний шалит?

– Да уж отшалили свое, баловники. Которые шустрее и совсем без царя в голове – те в бега норовят, да только дело это гиблое.

Родин насторожился, Старопосадский сам вывел беседу в нужную сторону.

– Уж так и гиблое? Какое-никакое подобие воли.

– Да опомнись, Георгий Иваныч, ты тайгу нашу посмотри! Это ж какой страх должен быть, чтобы в их одежке да без харчей в наши леса податься! Тут ведь не Сибирь, это там мужики беглым помогают. А тут сами нищие! – Филипп Игоревич поднялся со стула и, подойдя к окну, задернул занавески. – Ни краюшки не вынесут! Даже птицы не живут, редко где медведь пройдет, снегу за ночь аршин наметает, а уж ветры какие!.. К югу еще так-сяк, и климат помягче, там беглому выжить проще. А наши все больше убежать-то убегут, а выхода найти не могут. Так и кончается их жизнь непутевая под голыми елками.

– Бедняги! И на воле кое-как жили, и здесь неприкаянные...

– Ты, мил друг, с этими беднягами особо не дружись, не нежничай! Им ножом кого пырнуть проще, чем тебе высморкаться! Они ж за дровами ходят не иначе как с ножом за голенищем. А уж воруют как! Каторжных не пускают даже пароходы разгружать – вмиг все растащат, труба да якорь останутся.

Филипп Игоревич шумно хлебнул чаю и утерся полотенцем: то ли чай с малиной хорош был, то ли от волнения из-за беспечности нового доктора в жар бросило.

– Нет уж – лечить лечи, дело благородное и гуманное, а души им править вон наш батюшка отряжен, да и тот опасается.

– Так ведь, Филипп Игоревич, говорят, и дети малые пропадают? – Родин выждал паузу и постарался сделать равнодушное выражение лица. – Разве тоже в бега кидаются?

– Это кто ж тебе успел наговорить, Георгий Иваныч? Ты у нас тут и часа не пробыл, а уже слухами оброс. Не иначе на почту забрел. Ты больше слушай, что там говорят. Событий мало, а поболтать охота, услышат на копейку, а присочинят на рубль. – Филипп Игоревич и про самовар забыл, замахал коротенькими ручками: – Детишки не пропадают, бывает, мрут с голоду и от хворей – это уж твоя епархия будет, чтобы, значит, не чахли, а уж в бега пуститься – это в их бедные головенки не уместится. Нет, Георгий Иваныч, сам не слышал, не видел и тебе не советую лишнего слушать. Дольше проживешь. – С этими словами Старопосадский подошел к Родину. – Ну-с, господин доктор, пойдем дом смотреть, с Марфой знакомиться, да быт твой налаживать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.